

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

Дед Мороз в современном фольклоре
(нефикциональные нарративы)

Магистерская работа
студентки отделения славистики
Анны Печерской

Научный руководитель
доцент Р. Г. Лейбов

Тарту
2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	6
1.1 История русских «елок» до революции.....	6
1.2 «Елки» после революции.....	9
1.3 Дед Мороз и Снегурочка.....	11
ГЛАВА 2. НОВОГОДНИЕ СЮЖЕТЫ В ГОРОДСКОЙ НЕФИКЦИОНАЛЬНОЙ КОМИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ.....	17
2.1. Сюжетный потенциал современных новогодних обрядов.....	17
2.2 Классификация и структура рассматриваемых текстов.....	20
2.3 Динамика добавления новогодних историй на сайт.....	24
ГЛАВА 3. СТРУКТУРНЫЕ ЧЕРТЫ НЕСКАЗОЧНОЙ «НОВОГОДНЕЙ» ПРОЗЫ.....	26
3.1 Название/наживка.....	26
3.2 Ориентация.....	28
3.3 Типичные мотивы и сюжеты.....	33
3.4 Кода/завершение нарратива и вынесение оценки описываемым событиям.....	40
3.5 Типичное описание новогодних персонажей.....	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	45
ОПИСАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ.....	47
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	48
Kokkuvõte	50
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks	51

ВВЕДЕНИЕ

Целью данной работы является рассмотрение появления и функционирования образа Деда Мороза и некоторых других персонажей советского новогоднего ритуала в текстах современной нелитературной несказочной прозы. Для этого был выделен корпус текстов (короткие прозаические тексты комического содержания, претендующие на правдивость повествования, сферой бытования которых является интернет), а также подробно рассмотрен вопрос появления и развития ритуалов, сопровождавших зимние празднества сначала на территории России, а затем распространившихся на территории всего Советского Союза.

Источником текстов, выбранных для рассмотрения, будет раздел «Истории» на сайте «Анекдоты из России» (<http://www.anekdot.ru/>). Нас будут интересовать тексты, в которых содержатся слова «Дед Мороз» и в которых Дед Мороз упоминается как действующее лицо, функция или маска действующего лица, а не в переносном значении или в составе поговорки, кроме этого из корпуса были исключены истории, повторяющиеся из-за того, что они относятся к разным разделам сайта (например, одновременно к «новым историям» и «основным историям»).

Сайт anekdot.ru («Анекдоты из России») — это проект Дмитрия Вернера, начавший работу 8 ноября 1995 года [Anekdot.ru: О проекте]. На данный момент «Анекдоты из России» — крупнейший юмористический сайт, первый ежедневно обновляемый ресурс в русском Интернете» [Там же]. На сайте существуют разделы «Анекдоты», «Истории», «Афоризмы», «Стишки» и «Карикатуры», в которых публикуются материалы, присланные пользователями. Жанровая классификация принадлежит Д. Вернеру и опирается на практики речевого обиходного именованья. Границы между «анекдотом» и двумя другими жанрами («афоризмы» и «истории») размыты, классифицируют тексты сами их авторы, редактор лишь отсеивает то, что, по его мнению, выходит за рамки центрального для ресурса жанра «анекдотов». Главный принцип работы сайта, по словам главного редактора Д. Вернера, заключается в отсутствии цензуры и «предварительного отбора — если присланный мне текст можно отнести к жанру анекдота, и если ранее он на странице не появлялся, я помещаю его в очередной выпуск» [Вернер], таким образом, по мнению Вернера, создается «академическое»

собрание анекдотов на русском языке» [Anekdot.ru: О проекте].

В разделе «Истории» (<http://www.anekdot.ru/last/story/>) находятся прозаические нарративные тексты с установкой на нефикциональность, присланные пользователями сайта, которые публикуются без цензуры, а после публикации автоматически сортируются по результатам голосования прочитавших такую «историю» посетителей сайта (по параметрам «смешно/не смешно» и «интересно/неинтересно»).

При рассмотрении сюжетов с участием Деда Мороза нас будут интересовать тексты, относящиеся к современному городскому повествовательному фольклору, формы бытования которого разнообразны и сильно отличаются от форм бытования фольклора традиционного. Так, в отличие от традиционных фольклорных текстов, существующих в устной форме, не имеющих автора и передающихся от человека к человеку, тексты, интересующие нас, существуют в печатном и общедоступном виде, часто имеют указание на рассказчика (хоть, возможно, и фиктивного — иногда один и тот же текст меняет атрибуцию при повторной публикации), а также имеют более менее стандартный (новогодний) набор персонажей. В отличие от устных рассказов, не выделяемых четко в потоке живой речи, интересующие нас тексты имеют отчетливые начало и конец повествования. При этом, в отличие от традиционных фольклорных текстов, начало и конец рассказа не всегда выделяются специальными словесными формулами, они могут быть просто выделены графически. Такое графическое выделение, как пишет И. С. Веселова, само по себе является имитацией устного фольклорного общения с читателем, который, взглянув на такие знаки, вправе либо начать чтение текста, либо отказаться от него [Веселова 2].

По своей структуре эти тексты неоднородны. В рассматриваемом нами корпусе текстов присутствуют рассказы о случаях из жизни, описывающие события, выбивающиеся из общепринятой нормы (мемораты), истории типа *Friend of a Friend*, то есть рассказы неопределенного авторства, зачастую относящиеся к жанру анекдотических городских легенд, а также рассказы без указания конкретного авторства с повествованием от третьего лица (фабулаты), сходные по своей прагматике с анекдотами. Все рассматриваемые нами тексты, вне зависимости от жанровой принадлежности, являются нарративами, что означает, по определению Уильяма Лабова, что они описывают случившиеся события в том порядке, в котором они произошли в реальности и содержат хотя бы одну временную связку (то есть, описывают хотя бы два события). Поэтому, для анализа этих текстов мы будем использовать

структурную схему нарративов, описанную У. Лабовым в его статьях, посвященных нарративному анализу, см. [Labov 1] и [Labov 3].

Несмотря на перечисленные ранее отличия таких текстов от устных повествований, у них есть одна принципиально важная общая черта, которая состоит в том, что такие тексты столь же неофициальны, как и устные фольклорные рассказы.

Данная работа состоит из трех глав. Первая глава содержит историографический обзор работ, посвященных смежным проблемам (история новогодних праздников в послепетровской России, основные персонажи ритуала). Вторая глава работы описывает сюжетный потенциал новогодних праздников с точки зрения интересующего нас жанра. В третьей главе мы подробно рассмотрим действующих лиц и структуру несказочных новогодних историй и попробуем выделить типичные для этого жанра элементы.

ГЛАВА 1. НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ:

1.1 История русских «елок» до революции

Традиция празднования Нового года в России начинается во время правления Петра I. По возвращении из своего первого путешествия по Европе, 20 декабря 1699 года, Петр издает указ, предписывающий вести летоисчисление не от сотворения мира, а от Рождества Христова, а день новолетия перенести с 1 сентября на 1 января [Адоньева 1999: 370]. В этом же указе давались рекомендации по организации новогоднего праздника: «в день нового года было велено пускать ракеты, зажигать огни и украсить столицу (тогда еще Москву) хвоей: “По большим улицам, у нарочитых домов, пред воротами поставить некоторые украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевелевых, против образцов, каковы сделаны на Гостином дворе”» [Душечкина 2012: 45]. Но, как пишет Душечкина, на дальнейшее развитие традиций празднования Нового года, затем Рождества и, впоследствии, снова Нового года, этот указ оказал только косвенное влияние в силу нескольких причин: во-первых, украшениями служили не только целые еловые деревья, но и ветки, а также другие хвойные, а, во-вторых, украшать надлежало не жилище, а улицу: ворота, крыши, дороги, и таким образом новогодние украшения становились не столько предметом интерьера, сколько элементом городского пейзажа. Душечкина также замечает, что после смерти императора его указания относительно празднования Нового года были «основательно забыты».

С самого момента основания Петербурга в нем проживало большое количество немцев и приток их не прекращался. Естественно, замечает Душечкина, что «выходцы из Германии привозили с собой усвоенные на родине привычки, обычаи и ритуалы» [Душечкина 2012: 51]. Для иллюстрации этого утверждения исследовательница приводит отрывок из повести А.А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830): «У немцев, составляющих едва ли не треть петербургского населения, канун Рождества есть детский праздник» [Там же].

На рождество 1828 года великая княгиня Александра Федоровна (дочка прусского короля Фридриха-Вильгельма III) устраивает первый детский праздник (елки) в Большой столовой дворца. На праздник кроме детей императора были приглашены также дети некоторых придворных. Впоследствии, пишет Душечкина, этот обычай повторялся ежегодно.

Через императорскую семью и семьи петербургских немцев обычай празднования «елки» начал постепенно распространяться сначала на «подведомственные императрице учебные заведения», а затем и на дворянские семьи. К началу 1840-х гг. обычай устанавливать на рождество елку и устраивать детские праздники становится довольно известным в столице. В газетах появляются сообщения о том, что «мы переняли у добрых немцев детский праздник в канун Рождества Христова: Weihnachtsbaum¹» и «Для праздника елки выбирают преимущественно дерево елку, от коей детское празднество и получило наименование; ее обвешивают детскими игрушками, которые раздают им после забав» [Душечкина 2012: 54]. В середине 40-х гг. «немецкое обыкновение» устраивать под рождество «елку» начинает «стремительно распространяться» и к концу 40-х гг. становится привычным явлением в праздничной жизни столицы (а затем, хоть и с задержкой, и провинции), а само слово «елка» входит в русский язык и начинает обозначать как дерево (ранее называвшееся либо Weihnachtsbaum либо «рождественским деревом»), так и детский праздник, а иногда и сам сочельник [Душечкина 2012: 64]. Во второй половине XIX в. такой способ празднования Рождества распространяется и по провинциальным городам и поместьям — Душечкина это объясняет тем, что «отказавшись от народного обычая празднования святок, горожане ощутили некий обрядовый вакуум» который либо ничем не заполнялся, «вызывая чувство разочарования» либо «компенсировался новыми, сугубо городскими, часто на западный манер, развлечениями, в том числе и устройством елки» [Душечкина 2012: 66].

В 1852 г. детская елка перешла в новое качество: в этом году была устроена первая публичная елка в Екатерингофском вокзале. Как и в случае домашнего торжества, на публичной елке «главной заботой организаторов оставались дети» [Душечкина 2012: 86]. Затем публичные елки стали устраиваться повсюду (в клубах, театрах, офицерских и купеческих собраниях). Также широкое распространение получили благотворительные елки для бедных детей, «инициаторами которых бывали как разного рода общества, так и отдельные благотворители» [Душечкина 2012: 87].

При этом, пишет Душечкина, устройство благотворительных елок всячески пропагандировали и поощряли. С распространением обычая проведения публичных елок и елок в школах появилась необходимость создания пособий по устройству праздника — в отличие от домашнего торжества, мероприятие, в котором принимало участие большое

1 Нем: елка

количество детей, пускать на самотек было невозможным. С 1870-х гг. начинают выходить пособия по устройству елок дома и в учреждениях, предлагавшие материал и программу праздника, который, по мнению многих авторов, в первую очередь должен был носить воспитательный характер. По мнению составителей пособий, на детей благотворно влияет разучивание сценок, стихотворений, песен, шитье костюмов. Религиозный момент, пишет Душечкина, в книжках-рекомендациях был сведен к минимуму или вообще отсутствовал (хотя классические святочные тексты, как правило, входили в программу выступлений, подготавливаемых детьми к празднику).

Поскольку «елка» не имела в русском прошлом «никакой идеологической опоры, она долгое время оставалась просто модным новшеством, полюбившейся „немецкой затеей“» [Там же], мероприятием, устраиваемым взрослыми для развлечения детей. В начале зарождения традиции вопрос о смысле нового праздника не поднимался, однако в тот момент, когда стали устраиваться общественные елки, появилась необходимость обоснования праздника, получившего название в честь дерева. В этот период начинают появляться тексты («в основном переводные»), «целью которых было создание елочной мифологии: елке приписывалось значение, закрепившееся за ней на Западе: она стала „Христовым деревом“, символом „неувядающей, вечнозеленой, благостыни Божией“» [Там же].

Церковь, однако, борется с христианизацией елки из страха, что, по мере распространения новой традиции, Рождество утратит свое религиозное значение. Поэтому, пишет Душечкина, с середины XIX в., «наряду с утверждением елки в качестве символа Рождества, намечается тенденция освобождения ее от сакральных смыслов, перенесения ее на „русскую почву“, укоренения в русской жизни» [Там же]. Педагоги и детские писатели начали работу по созданию новой мифологии: «елке стал приписываться «исконный», народный (по существу же — псевдонародный) характер» [Там же]. Затем, как пишет исследовательница, елка из рождественского символа превратилась в символ новогодний и, в более широком смысле, — зимний (по времени) и лесной (пространство).

К началу XX в., как пишет Душечкина, «привычность <праздника> елки привела к тому, что она стала восприниматься как народный по своему происхождению обычай» [Душечкина 2012: 195]. Также она отмечает, что, как и прежде, «елки» устраивались главным образом для детей, хотя предпраздничный ажиотаж охватывал людей всех поколений, а само религиозное торжество вышло «за пределы храма» и превратилось в светский праздник

[Душечкина 2012: 196].

Кроме этого, распространение традиции и рост доступности самих елок и связанной с ними атрибутики (специальных угощений и игрушек) в предрождественское время изменили парадигму торжества: теперь, как пишет исследовательница, елка из «одноразового удовольствия» превратилась в более длительное, сезонное переживание: «Дети наслаждались елкой и по прошествии нескольких дней после Рождества, в период между Новым годом и водосвятием, когда с нее уже потихоньку начинали осыпаться иглы» [Душечкина 2012: 203]. То есть, «елки» начинают устраиваться не только в канун рождества, но и в ближайшие к нему дни, а это значит, что в течение рождественских каникул у детей (и взрослых) появлялась возможность поучаствовать в нескольких «елках» и устроить свою собственную.

Душечкина также описывает и структуру праздника: на мероприятие «съезжались родные и близкие со всего города (а иногда и других городов)» и «обычно кто-нибудь из взрослых из года в год брал на себя роль затейника: заранее готовился к проведению елки, придумывал режиссуру праздника, в сценарий которого, наряду с традиционными, повторявшимися из года в год элементами, включались новые детали <...> Взрослые покупали подарки, организовывали «елочное веселье» для маленьких детей, а дети постарше готовили небольшие представления» [Там же]. Несмотря на сопротивление церковных властей, елки стали повсеместно проводиться и в сельских школах, «постепенно устройство общественных елок для детей стало нормой», а контингент участников мог быть самым различным (дети только одного сословия, бедные дети или городские дети без учета сословных различий) [Душечкина 2012: 209]. В таком виде традиции празднования Рождества просуществовали до революции 1917 г.

1.2 «Елки» после революции

В первый новый год после Октябрьской революции, пишет Адоньева, новогодние поздравления официально заменились спорами о том, какого числа следует отмечать «новый» Новый год: с 24 на 25 октября или с 31 на 1 января. «Дореволюционные праздники были признаны «буржуазными» и заменялись усиленно разрабатываемыми в 1920-е гг. новыми пролетарскими постановками и шествиями» [Адоньева 1999: 376]. 30 января 1918 г. «не

вдаваясь ни в какие объяснения новая власть выпускает декрет о переходе на «европейский календарь» [Там же], который хоть и не запрещал Рождество прямо, все же переносил его на январь, что воспринималось «как ломка жизни с её традиционно связанными с определёнными датами православными праздниками» [Душечкина 2008]. Однако, вопреки бытующему мнению, война советской власти с Рождеством и связанной с ним елкой началась не сразу же после октябрьской революции: об этом см. [Душечкина 2008].

В первые послереволюционные годы, пишет исследовательница, ситуация в стране не располагала к проведению праздников и поэтому бороться с ними дополнительно было не обязательно, но уже в 1922 г. «была проведена кампания за преобразование праздника Рождества Христова в «комсомольское рождество», или иначе в «комсвятки». Комсомольские ячейки должны были организовывать празднование «комсвятков» в первый день Рождества, то есть 25 декабря, которое было объявлено нерабочим днем» [Душечкина 2008]. Схема проведения «комсвятков» отчасти напоминала сценарии празднования Рождества — во второй день празднования устраивались шествия по улицам, в клубах устраивались маскарады и «комсомольская елка». Однако эту практику прекратили уже к 1924 г., когда пресса раскритиковала комсвятки как мероприятия, не приносящие должных плодов в борьбе с религией. А в 1929 г., в рамках «плановой борьбы» с религией и православными праздниками, Рождество отменили окончательно, дата стала официальным рабочим днем, как, впрочем и день Нового года, не считавшийся официальным праздником до 1935 г.

Ситуация с зимними праздниками коренным образом изменилась 28 декабря 1935 года, когда в газете «Правда» появилась заметка «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!» подписанная «П. Постышев». В заметке, полный текст которой см. [Душечкина 2003], автор, видный коммунистический функционер, призывает и даже настоятельно рекомендует прекратить «неправильное осуждение елки» и устроить коллективные елки для детей: «В школах, детских домах, в дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская елка! Не должно быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне Нового года елку для своих ребятишек. Горсоветы, председатели районных исполкомов, сельсоветы, органы народного образования должны помочь устройству советской елки для детей нашей великой социалистической родины» [Душечкина 2003].

Таким образом, елка, на которую, начиная с середины 20-х гг, был наложен

запрет как на «дикарский» и «поповский» обычай, что было парадоксом, поскольку, как мы отмечали, до революции церковные власти не поощряли проведения подобных мероприятий; елка, с которой яростно боролась пресса, называя ее «религиозным хламом», «религиозным дурманом» и «глупым делом»; елка, про которую писали, что именно с нее «начинается религиозность детей» — вдруг была не только разрешена, но настоятельно *рекомендована* [Душечкина 2001].

В конце 1935 г. праздник елки был не только возрожден, но и наполнен новым содержанием, выраженным в простой и четкой формулировке: «Новогодняя ёлка — праздник радостного и счастливого детства в нашей стране» [Там же]. Новогодние елки для детей и работников учреждений становятся обязательны, а «связь елки с Рождеством была предана забвению» и «рождественское дерево превратилось в атрибут государственного праздника Нового года, одного из трёх (наряду с Октябрём и Первомаем) главных советских праздников» [Там же].

Организацией праздников занимались «елочные комиссии», состоявшие из профсоюзных активистов, они «разрабатывали программу, доставляли ёлку, обеспечивали Дедом Морозом, готовили подарки» [Там же]. С течением времени стремление властей идеологизировать возрожденный праздник становится «все откровеннее» и через несколько лет, в 1947 г. 1 января становится нерабочим днем.

1.3 Дед Мороз и Снегурочка

Как появились эти персонажи, которых Светлана Адоньева называет «демонами советского новолетия»? Исследовательница пишет, что «в зарождающейся городской традиции рождественской елки (в 30-50-х гг. XIX в.) нет еще ни Мороза, ни Снегурочки в качестве обязательных персонажей новогоднего ритуала (как нет, впрочем, и самого ритуала). Так же, как их нет и в общеславянской обрядовой традиции» [Адоньева 1999: 372]. Также Елена Душечкина пишет, что, несмотря на отсутствие Деда Мороза как персонажа праздника, он существовал в литературе, и именно благодаря опоре на «литературную традицию и бытовую практику» стал возможен «стремительный процесс разработки этого образа как неперемного участника детского праздника елки <...> в предвоенные годы» [Душечкина 2001].

Душечкина пишет, что первой литературной обработкой фольклорного образа Мороза является сказка В. Ф. Одоевского «Мороз Иванович» (опубликованная в 1841 г.). Несмотря на то, что «созданный Одоевским образ еще далек от знакомого нам новогоднего персонажа: календарная приуроченность сказки — не Рождество и не Новый год, а весна (Мороз Иванович живет в колодце, оттого что «жарко становится»); не он приходит к детям, а дети приходят к нему; да и подарки его — это лишь плата за службу» [Там же], он уже становится узнаваем («добрый Мороз Иванович» — «седой-седой» старик, который как «тряхнет головой — от волос иней сыплется»). В этой сказке Мороз выступает в роли сурового, но справедливого старика, воспитателя (щедро одаривает работающую девочку и наказывает фальшивым подарком ленивую). Почти в то же самое время, когда вышла сказка Одоевского, пишет Душечкина, в прессе начинают появляться «первые рекламные заметки о продаже елок, что свидетельствовало о начале усвоения в России обычая, до тех пор известного лишь по переводной литературе и по домам петербургских немцев». Несмотря на то, что и Мороз Иванович, и обычай празднования елки появляются примерно в одно и то же время, связь пришедшего из русской деревни Мороза Ивановича (как литературно обработанного фольклорного образа) и елки (усвоенного русскими немецкого обычая) возникает двумя десятилетиями позже, когда «сказка Одоевского будет включена в состав «елочных» текстов» [Там же].

Одновременно с этими процессами, и, как пишет Душечкина, «кажется, независимо от создания в литературе образа Мороза», в городской среде появляется персонаж, «заведующий» елкой, и, видимо, как изначально и сама елка, заимствованный из западной культуры.

Елочный миф, пишет Душечкина, сформировался «в процессе поисков удовлетворительных ответов на детские вопросы: откуда в доме берется елка, кто ее приносит, кто дарит подарки?» [Там же], и в ходе этого процесса и произошло «оформление образа Деда Мороза» [Там же]. Поиски ответа на первый вопрос привели к «актуализации на празднике в честь елки образа зимнего леса», что сказалось на украшениях, среди которых появились «снег, шишки, грибочки, всякое зверье и прочие лесные атрибуты» [Там же]. Также, среди игрушек появляется «старик в шубе и с мешком в руках», который вскоре увеличивается в размерах, возводится в ранг *главной* елочной игрушки и занимает место *под* елкой, а не *на* ней.. Такая игрушка становится популярной и начинает использоваться в оформлении витрин: «рождественские старики, обсыпанные инеем», стоящие в окнах кондитерских и игрушечных

магазинов, превратились в обычное явление новогоднего городского пейзажа» [Там же].

Задолго до того, как появляется обычай костюмирования детей для праздников елки, на них начинают появляться «ряженые старики, дублирующие стоящую под елкой игрушку», также старики начинают фигурировать в представлениях, устраивавшихся на елках в более состоятельных семьях. Старик и елка, как пишет Душечкина, постепенно становятся обязательными и неразлучными атрибутами праздника, а в 1880-е гг. за этим стариком (Морозом, Дедушкой Морозом) закрепляется также и функция «дарителя елки», остальные же подарки готовятся и дарятся родителями, «о чем дети знали», а затем, в рамках псевдонародной мифологии, также и «роль дарителя начинает приписываться тому же самому старику, доброму деду, приносящему елку» [Там же].

Этот старик, «персонаж, которому дети были обязаны елкой и подарками, выступает под разными именами», а процесс унификации имени, пишет Душечкина, занимает несколько десятилетий. В борьбе за имя нового персонажа побеждает Дед Мороз (среди вариантов имени Душечкина упоминает также *старого Рупрехта, Св. Николая* или *Дедушку Николая, Санта Клауса, доброго Морозко, Мороза* и т.д.), аналога этому имени, пишет исследовательница, нет ни у одного западного персонажа.

До революции Дед Мороз существовал только в городской среде, мифология которой создалась в результате рецепции и адаптации «просвещенными» слоями общества «западных традиций и народных верований» [Там же]. Созданный в результате этого процесса персонаж обладал комплексом устойчивых свойств: зимой он живет в лесу («чем объясняется его связь с лесным миром – растительным и животным» [Там же]), на лето перебирается на Север. Деятельностью Деда Мороза объясняются как природные явления (иней, мороз, узоры на окнах), так и появление в доме елки и подарков.

Определяющими свойствами характера Деда Мороза, пишет Душечкина, являются доброта и щедрость, в процессе мифотворчества он превратился в доброго старика, который перед рождеством или новым годом успеваает обойти все дома чтобы подарить подарки всем детям (при этом в отличие от своих западных аналогов он никогда не наказывает детей). Также складывается и канонический облик Деда Мороза: «это старик в белой шубе и шапке в валенках, с палкой в руке и мешком за плечами» [Там же]. Миф о Деде Морозе, созданный взрослыми, подразумевал признание детьми его реального существования, Душечкина пишет, что утрата этой веры «рассматривалась как важный этап взросления — своеобразная форма

инициации» [Там же]. К началу XX в. образ Деда Мороза окончательно оформился (он стал функционировать как главная елочная игрушка, маскарадная маска и даритель елки и подарков).

В первые годы после революции Дед Мороз, также как и все прочие атрибуты зимних праздников, подвергался гонениям со стороны новой власти, но после выхода статьи Постышева, он вернулся в праздничный процесс и далее уже елки на всей территории Советского союза без его присутствия не обходились. Однако в первое время после восстановления праздника елки в 1935 г. у организаторов мероприятий возникал ряд вопросов, многие из которых были вызваны прервавшейся традицией.

Адоньева, ссылаясь на статью Е.А. Флериной в вышедшем в 1936 г. сборнике «Елка. Сборник статей о проведении елки» упоминает некоторые из них. Например, нужны ли на мероприятие ряженые? И тут же описывается первый опыт использования образа Деда Мороза на советской елке: «Интересно прошло ряжение в деда-мороза, но дети не знали ранее этого образа, приняли его за дедушку из колхоза» [Адоньева 1999: 378]. Итак, в начале формирования нового новогоднего ритуала образ Деда Мороза, вскоре ставший обязательным, не был знаком детям, а «культмассовым работникам он известен как одна из масок ряженных» [Там же]. Дети, не сталкивавшиеся ранее с праздниками елки, разумеется, не опознавали в седом старике того Мороза, образ которого фактически сложился уже к началу XX века. Да и далеко не все взрослые, будучи детьми, принимали участие в елках (еще раз скажем, что до революции образ Деда Мороза функционировал только в городской среде, но и там далеко не все семьи могли себе позволить праздник для детей).

Второе издание сборника «Елка» (1937), пишет Адоньева, корректирует новогодний ритуал и, исправляя недочеты прошлого года, составляет из удачных сюжетов общую схему празднования Нового года. Так, с точки зрения авторов сборника, удачными оказались «пляски и хороводы вокруг елки в костюмах <...>, торжественный въезд Деда Мороза на санях / или неожиданное появление Петрушки / или выезд снежной бабы на санках / или *зайчики*. На роль дарителей пробуются различные персонажи, но успешен один: «Наибольший восторг был вызван дед морозом <...>» [Адоньева 1999: 379]. Таким образом, заключает исследовательница, «Годом рождения советского Деда Мороза и новогоднего ритуала следует признать <...> 1937 г. Именно этот год советские дети встретили с Дедом Морозом и Снегурочкой в Московском доме союзов» [Там же].

Снегурочка, как спутница Деда Мороза, то есть, появляющаяся *вместе* с

ним, впервые упоминается в ряду елочных украшений. Светлана Адоньева считает, что появлению имени Снегурочки мы обязаны А. Островскому, так как впервые оно встречается в его пьесе «Снегурочка» (А. Н. Островский, Вестник Европы 9, 1873).

Начиная с 1865 г. начинают выходить и быстро набирают популярность «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева, где автор трактует славянские обряды и фольклор через призму «метеорологического мифа» («борьбы света и мрака, тепла и холода, солнца и грозовой тучи итд» [Адоньева 1999: 373]). Во втором томе серии Афанасьев рассматривает версию появления Снегурочки. Адоньева пишет, что замысел пьесы появляется у Островского «во многом под воздействием» работы Афанасьева. Островский изображает Снегурочку в процессе перехода из состояния «невинности» в состояние «чувственной любви». Эротизм и нечеловеческая природа Снегурочки, пишет Адоньева, делает этот удачный для использования в антихристианской традиции образ законным наследником языческих верований.

Тем не менее, пишет исследовательница, мелькая в виде «снежных масок» и «ледяных дев» в поэзии символистов, образ Снегурочки не входит в бытовую традицию святочных праздников. Так же исследовательница замечает, что: «В хрестоматии К. Лукашевич «Школьный праздник: рождественская елка» (СПб., 1915) снегурочка отсутствует во всех текстах», хотя «Дед Мороз здесь упоминается в составе ряженых, а также появляется в стихотворении неизвестного автора приносящим подарки и отдающим их *маме*, которая, в соответствии с поведением детей их раздает». «В текстах новогодних представлений советского времени эти персонажи уже обязательны» [Адоньева 1999: 375].

В отличие от традиционного фольклорного ритуала, акциональная и вербальная составляющие новогоднего праздника, сложившегося на данный момент, существуют в разных сферах реальности: в новом новогоднем ритуале вербальная часть является письменным текстом, разработанным методистами, то есть имеющим автора и распространяющимся с помощью переписывания или перепечатывания. Кроме того, тексты сценариев, как пишет Леонтьева («Детский новогодний праздник: сценарий и миф»), могут быть разного объема и разной сложности сюжета, в зависимости от места проведения праздника: «сценарий, предназначенный для Кремлевской елки в Москве или для елки во Дворце пионеров им. Жданова в Ленинграде, существенно отличается по величине и сюжетному «размаху» от сценария Дома пионеров провинциального городка или рядового детского садика, пусть и в

большом городе» [Леонтьева]. Однако, несмотря на различия в объеме, во всех сценариях содержится набор сюжетных и словесных клише. Так, например, в новогодних сценариях всегда постулируется «особенность» ситуации, момент перехода из одного «времени» в принципиально иное (при этом этот момент перехода максимально оттягивается, что создает ощущения напряженности ситуации), пересечение некоторой границы, рефлексия относительно уходящего года, расставление оценок случившимся событиям. При этом уходящий год, как правило, оценивается как «сложный, но в целом положительный» [Там же], а от наступающего ожидается, что он будет еще лучше, чем предыдущий, что вызывает известное состояние эйфории, которая только подкрепляется всеобщностью праздника: ведь известно, что в Новый год принято всем поздравлять всех и отклонение от этого правила негативно оценивается окружающими.

ГЛАВА 2. НОВОГОДНИЕ СЮЖЕТЫ В ГОРОДСКОЙ НЕФИКЦИОНАЛЬНОЙ КОМИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ.

2.1. Сюжетный потенциал современных новогодних обрядов

Прежде чем начинать рассмотрение сюжетов с участием Деда Мороза в выделенном нами корпусе текстов, целесообразным представляется задаться вопросом о том, чем обуславливается популярность этого искусственно созданного образа как среди детей, так и среди взрослых.

Новый год, хоть и представляется самым «неидеологическим и аполитичным» торжеством, открывает годичный цикл советских праздников, («День международной солидарности трудящихся 1 Мая, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, День рождения В. И. Ленина, День Конституции и пр.» [Леонтьева]) которые, по замыслу советских идеологов, формировали праздничную календарную сетку, эквивалентную церковной. Немаловажным является также тот факт, что в советское время новый год становится мероприятием скорее общественным, чем семейным (как традиционное рождество), а семейный вариант хоть и сохраняется, но в нем обязательно начинает участвовать телевизор, играющий роль связного между отдельной семьей и всеми остальными празднующими. Анастасия Хромова также указывает на то, что «передачи, которые показываются по телевизору («Голубой огонек» и т. п.), тоже призваны означать общественный, а вовсе не семейный характер праздника — публичная (пусть и муляжная отчасти) трапеза за общим столом» [Хромова 2007].

Возможно, популярность Деда Мороза можно объяснить и тем, что, как пишет Олег Николаев: «статус Нового года в современной системе российских праздников совершенно уникален <...> Новый год — единственный праздник, который празднуют все; он *беспроblem* по сравнению с другими праздниками» [Николаев]. Также автор отмечает, что празднование нового года открыто не отрицается ни одной конфессией, и, кроме этого, Новый год является единственным советским праздником (кроме 8 марта), пережившим падение режима.

Популярность Деда Мороза наверняка объясняется и тем фактом, что новогодние елки, даже с участием профессиональных актеров, как утверждает Адоньева,

являются не столько представлением, сколько ритуалом, ведь в представлении есть активные участники — актеры, и не принимающие участия зрители, а ритуал подразумевает участие в действе всех присутствующих. Адоньева также замечает, что «общественное мнение определенным образом готовит участников представления к тому, чтобы оно переживалось как мистическое действие» [Адоньева 1999: 384]. Адоньева пишет, что как в любом ритуале, в новогодней елке выделяются заказчики ритуала, то есть дети, адресат ритуала, то есть Дед Мороз, даритель даров и антагонисты («духи, демоны, звери» [Там же]). Исследовательница пишет, что мистическая власть Деда Мороза — это антихристианский миф, созданный советским государством, послуживший (и продолжающий служить) сохранению общества в рамках той же идеологии, что и «державшая» Россию «святыня православной веры». И несмотря на то, что в нынешнюю, во многом безритуальную, эпоху праздник поменял свои функции и в наших представлениях теперь ориентируется на «свободное, личностное воплощение наших праздничных желаний» [Николаев], ритуальность все же сохраняется, а точнее «продуцируется заново <...>, но мы не склонны осознавать ее как ритуальность» [Там же].

Анастасия Хромова пишет, что представления о том, что подарки приносит Дед Мороз, внушают детям сами взрослые. В значительной мере, пишет исследовательница, такие нарративы, адресованные детям «объясняются не только желанием погрузить детей в сказочный мир (дети *должны* верить в сказки), но и ностальгией по собственному детству, по своим детским переживаниям, связанных с НГ». [Хромова: Тексты]

Кроме этого, с конца 90-х гг. XX в., «настоящесть» Деда Мороза начинает культивироваться не только на уровне семьи и образовательных учреждений, но и на государственном уровне: у Деда Мороза появляется официальный адрес в Великом Устюге, с появлением которого, как пишет Анастасия Хромова, все почтовые отделения России стали обязаны отсылать все письма именно туда [Хромова 2003б]. Исследовательница также проводит параллель между детскими письмами Деду Морозу и традиционной (дореволюционной) коммуникацией с дарителями (рождественским дедкой или Богом), упоминавшимися в дореволюционных рождественских текстах.

Также культивируемые взрослыми отношения детей с Дедом Морозом, как с силой, которая может и должна оценивать дела людей, как пишет Хромова, «способствовали использованию этого образа в текстах, формулирующих правила поведения» [Хромова: 2003а].

Тот факт, что участвовать в ритуале елки, по утверждению Светланы Леонтьевой, могут не все дети, а только те, которые в течение всего года вели себя образцово-показательно и соответствуют определенным нормативам и правилам, по-видимому, вызывает необходимость на протяжении всего года иметь в виду существование Деда Мороза как вознаграждающей или карательной инстанции. Таким образом, можно предположить, что совокупность перечисленных выше факторов задает постоянное присутствие Деда Мороза в жизни детей и вообще людей всех возрастов и провоцирует закономерное появление текстов о нем в современном городском фольклоре.

Как пишет Анастасия Хромова, ритуал домашнего поздравления ребенка приглашенным (самодеятельным/профессиональным) Дедом Морозом появляется в 60-е гг. и можно предположить, что это явление послужило стимулом к распространению рассказов о Деде Морозе [Хромова: 2003а]. Появление таких вольных Дедов Морозов (еще менее скованных в своем поведении корпоративной [или вообще любой — они же в маске] этикой, чем те, которые работали на школьных, детсадовских и корпоративных елках) видимо создало благоприятную почву для реальных комических происшествий, связанных с тайной, переодеванием и особой праздничной атмосферой, особенно учитывая практически ритуальную обязанность, провожая «старый год», употреблять крепкие спиртные напитки. Так Николаев, цитируя одного из своих информантов, пишет: «В новогоднюю ночь можно выпивать сколько влезет... неограниченно, бесконечно... Тебя может завести куда угодно, нет никакой картины будущего...» [Николаев], а затем добавляет: «Следует заметить, что эта неограниченность в принципе обладает дозволенностью, даже жены в новогоднюю ночь в основном поддаются ритуальным императивам и позволяют мужьям выпивать «без оглядки». Кажется, в Новый год, согласно каким-то глубинным установкам, все-таки необходимо напиться» [Там же].

Естественно, что так называемые детские новогодние ритуалы, вокруг которых собственно и вращается все современное празднование нового года, порождаются взрослыми. Однако, как пишет Анастасия Хромова, «Детские метаритуальные тексты влияют на взрослые сценарии общественного новогоднего праздника: во взрослых клубных новогодних сценариях появляются персонажи, традиционно закрепленные за детскими «елками» - ДМ, Снегурочка и т. д» [Хромова: 2003а]. Кроме этого, святочные забавы взрослой молодежи (игры, ряжение) были включены в детские сценарии проведения новогодних праздников, потому что так или иначе советские методисты, при конструировании ритуалов, опирались на уже

существующие, дореволюционные обычаи. А время святок, как известно, всегда воспринималось как некоторый период, в который все возможно: это переломный момент, когда по земле разгуливает разнообразная нечисть. При этом Леонтьева пишет, что в ритуале празднования нового года содержится некоторая парадоксальность: детям внушают, что это время исполнения всех желаний, однако желания исполняются строго определенные, и от детей требуется не мешать взрослым их выполнять. Таким образом дети оказываются вовлеченными в игру, придуманную взрослыми, но взрослые в нее также включаются, хоть и осознают, что это игра, конструируемая ими самими. В свою очередь осознание взрослыми некоторой ненастоящести происходящего, конечно, провоцирует появление в обществе комических нарративов.

Таким образом, как нам кажется, довольно широкое распространение [пост]фольклорных сюжетов с участием Деда Мороза объясняется следующими факторами: во-первых, — массовостью празднования Нового Года, вовлеченностью в него всех социальных групп, вне зависимости от возраста, рода занятий и религиозных убеждений. Во-вторых, — театрализованностью, обладающей высоким комическим потенциалом. В-третьих, — вседозволенностью, провоцируемой необходимостью пересечения пусть и мнимой (выдуманной нами самими), но все же границы, за которой находится неизвестность, лишаящая чувства ответственности за свои действия с одной стороны и страха последствий, вызванных этими действиями, с другой. И, наконец, в-четвертых, — бóльшая, чем для других праздников, значимость алкоголя. Это соображение можно проиллюстрировать следующим текстом: «После встречи Нового года друзья, знакомые и сослуживцы обычно задают друг другу ритуальный по своей обязательности вопрос: *«Как встретили Новый год?»* Интересно, что ответ типа *«Спокойно, в кругу семьи...»* самими отвечающими подается как-то извинительно, как нечто нарушающее некую норму празднования Нового года; иногда следует добавление: *«Ты знаешь, даже и не напился...»* [Николаев].

2.2 Классификация и структура рассматриваемых текстов

Источником текстов, выбранных для рассмотрения, будет раздел «Истории» на сайте «Анекдоты из России» (<http://www.anekdot.ru/last/story/>). Нас будут интересовать

тексты, в которых содержится упоминание «Деда Мороза» и в которых он выступает как действующее лицо, функция или маска действующего лица, а не в переносном значении или в составе паремии. Кроме этого из выборки были исключены истории, в которых Дед Мороз и Новый Год являются не основным, а побочным мотивом повествования, например: *«Я не знаю, что такое амбула, почему в конце истории надо писать: "Я плакал" непременно с мягким знаком, хотя и сам не силен в русской орфографии и откуда берется "Занавес" в конце многих историй. Видимо, это стереотип. Моя история тоже о стереотипах и о борьбе с ними. Когда вам показывают фотографии, на которых отчетливо просматривается новогодняя елка, хозяин обязательно добавит, что на фото празднование Нового Года, а фото с женихом и невестой (а то, что это жених и невеста, а не Дед Мороз и Снегурочка, догадаться можно) прокомментирует словами: "А это мы на свадьбе", и т.д., и т. п. Когда человек возвращается с рыбалки, то, как правило, это очевидно. Но тем не менее все встречающие рыбака как правило задают вопрос: "На рыбалке был?" Однажды мне довелось быть свидетелем замечательного ответа на этот банальный вопрос: - Что, с рыбалки? //- Нет, ходил налимов спасать! //- Как спасать? //- Ну вот трех вытащил, остальные утонули!»*, орфография сохранена, <http://www.anekdot.ru/an/an0407/o040717.html#2>.

Для отбора текстов использовался встроенный поиск по сайту (<http://www.anekdot.ru/search/>), по разделам «основные» и «остальные» истории, поиск велся по сочетанию «дед мороз». На 08.05.2016 результатом поиска по таким параметрам являлась выдача из 666 текстов. Из этого массива нами было выбрано 313 текстов, в которых Дед Мороз является действующим лицом или упоминается как функция (например, *«На Новый год у бабушки с дедушкой, куда Дениску брали пожить на неделю, в отдельной комнате стояла ёлка. И под неё каждый вечер клался маленький подарок, который Дениска утром с восторгом находил якобы от Деда Мороза»*, <http://www.anekdot.ru/id/739451/>), все эти тексты сохранены в отдельный электронный документ (<https://goo.gl/Kkd6xF>), в который не вошли идентичные публикации одного и того же автора, повторяющиеся из-за того, что они относятся к разным разделам сайта (например, одновременно к «новым историям» и «основным историям»), объем которого (241 стр.) не позволяет включить его в данную работу. Помимо этого, нами была создана база данных (<https://goo.gl/Fv7qAi>), в которой мы постарались описать основные значимые элементы рассматриваемых нами текстов.

В таблице для каждой истории содержится информация о нарраторе

(повествование от первого лица, от первого лица, но о случае, случившимся с другим человеком, повествование типа «*Friend of a Friend*», повествование от третьего лица), отмечено, фигурируют ли в истории такие атрибуты типичного новогоднего ритуала как алкоголь, подарки, Снегурочка и т. д. Кроме этого, для каждой истории указаны элементы, упоминаемые в *ориентации* слушателя/читателя (то есть информация, отвечающая на вопросы *где* и *когда* произошел описываемый случай), а также отмечена дата добавления текста на сайт.

По своей структуре эти тексты относятся к нескольким жанрам несказочной прозы (под «несказочной» прозой мы будем понимать повествования, достоверность которых не подвергается слушателями/читателями сомнению [Новик]). Рассматриваемые нами тексты в основном можно подразделить на следующие жанры: рассказы о случаях из жизни, описывающие события, выбивающиеся из общепринятой нормы (мемораты), истории типа *Friend of a Friend*, то есть рассказы неопределенного авторства, зачастую относящиеся к жанру городских легенд, а также рассказы без указания конкретного авторства с повествованием от третьего лица (фабулаты), сходные по своей прагматике с анекдотами. Письменные тексты, с которыми мы имеем дело, с одной стороны, очевидно связаны с устными жанрами, как генетически (они осознаются как «запись» рассказываемого обычно устно текста), так и типологически (все типы письменных историй имеют соответствия в устном бытовании, все тексты, о которых идет речь, можно представить себе трансформированными в устные рассказы). С другой стороны, запись сдвигает жанр в сторону «любительской/наивной литературы», снимая очень значимый для устных рассказов перформативный момент и помещая «истории» в другое культурное поле. Это сказывается, очевидно, в первую очередь, на орнаментальных элементах повествования, но, как можно предположить, трансформирует и построение нарратива как такового (см. об этом ниже при обсуждении применимости схемы Лабова к нашему материалу).

Понятно, что само решение рассказчика опубликовать текст на популярном сайте (среднесуточная посещаемость портала anekdot.ru составляет порядка 90 000 просмотров, <https://top.mail.ru/visits?id=7&period=2&date=&back=790&days=4383>) говорит о том, что существует внутренняя установка на широкое распространение текста. Для текста бытующего в интернете, путями распространения может быть как перепубликация, на которую рассчитывают некоторые рассказчики (например, один из пользователей снабжает свой рассказ комментарием с рекламой собственного ресурса «*При копировании обязательна ссылка www.avto-peregon.ru*»),

орография сохранена — А.П.), так и успешное возвращение рассказа в устную фольклорную среду. Все рассматриваемые нами тексты, вне зависимости от жанровой принадлежности, являются нарративами, что означает, по определению Лабова, что они описывают случившиеся события в том порядке, в котором они произошли в реальности и содержат хотя бы одну временную связку (то есть, описывают хотя бы два события). Для анализа этих текстов мы будем использовать структурную схему нарративов, описанную У. Лабовым в его статьях, посвященных нарративному анализу, см. [Labov 1] и [Labov 2]. Несмотря на то, что структура нарратива, предлагаемая У. Лабовым, применяется им для анализа устных рассказов о личном опыте, нам кажется, что она применима и для интересующих нас текстов, поскольку прагматика устного короткого рассказа и его поэтика достаточно близки к характеристикам наших текстов.

Итак, при рассмотрении собранных нами текстов мы будем использовать следующую структуру, подробно описанную в статье [Labov 3] (*перевод мой — А.П.*):

- (1) Включение нарратива в структуру коммуникативных ходов с помощью *краткого обзора*, или «наживки» в разговоре: если собеседники согласятся с предложенной темой, рассказывание, которое занимает большее, чем обычная реплика, социальное пространство, считается санкционированным аудиторией. — в рассматриваемых нами текстах, этот пункт оказывается необязательным, поскольку автор публикации рассчитывает на то, что посетитель сайта по определению мотивирован ознакомиться с текстом.
- (2) *Ориентация* слушателя в пространстве и времени, а также ознакомление с действующими лицами и характером описываемого действия. Ответы на вопросы *кто?*, *где?* и *когда?*
- (3) *Темпоральная организация* осложнений сюжета с помощью временных конструкций — описание событий в том порядке, в котором они произошли в реальности. Дифференцированная оценка действий с помощью противопоставления реальных и потенциально возможных событий с при помощи допущений.
- (4) Использование объективных свидетельств третьих лиц для повышения достоверности и *валидации* главного сообщаемого события нарратива.
- (5) *Оценка* — вынесение похвалы или порицания за события, описывающиеся в сообщении, с помощью интеграции или поляризации участников

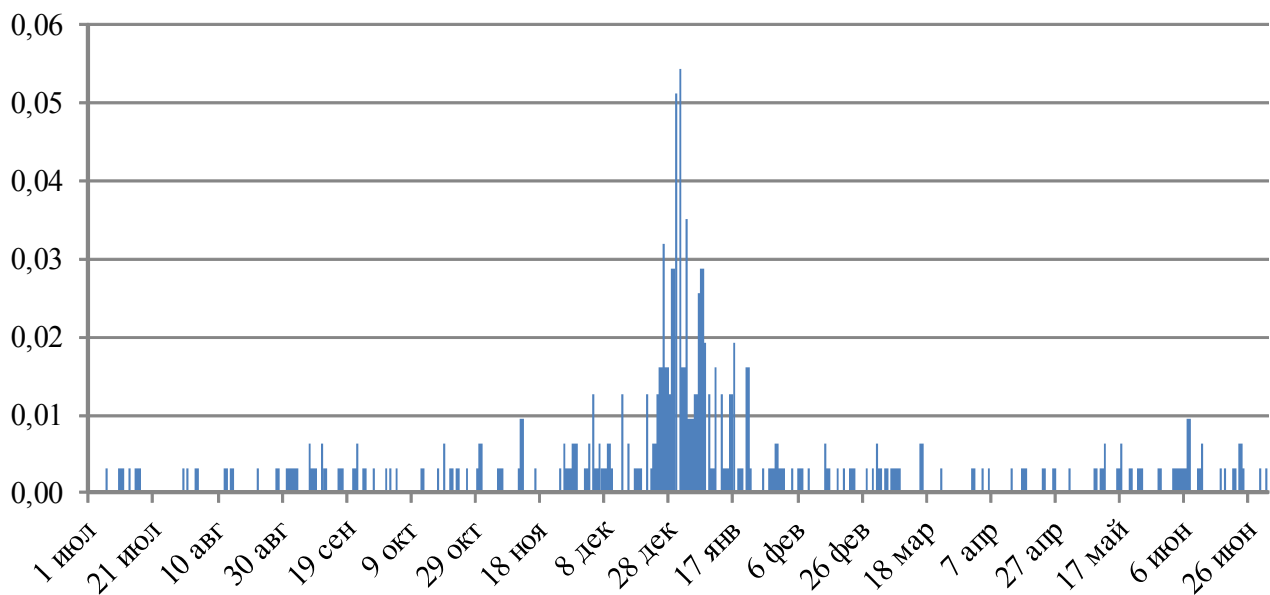
(6) Использование *коды* — завершение нарратива и возврат в «здесь-и-сейчас».

Например:

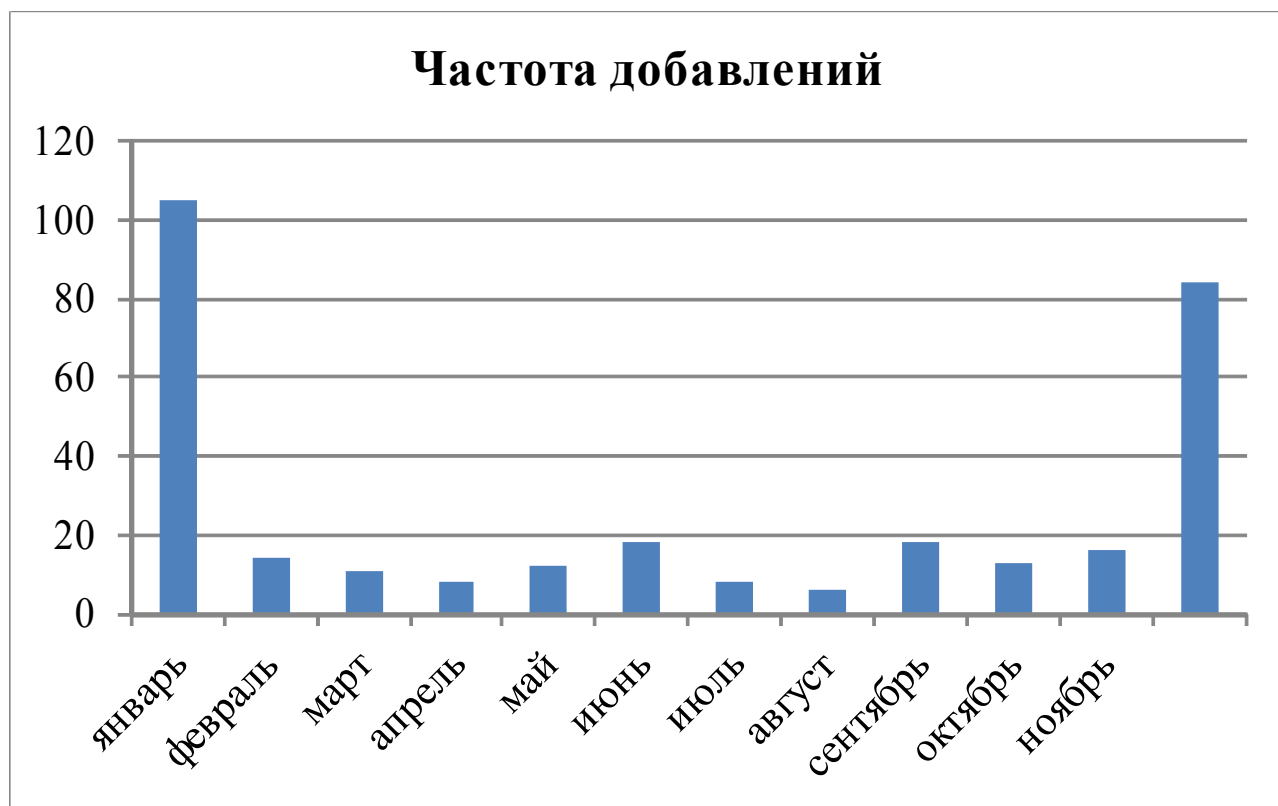
- (2) *Ориентация*: Стоим с шестилетней дочкой на платформе, ждём электричку. Рядом с нами стоит классический батюшка: 2 метра ростом, 3 метра в объёме, седая борода до груди и огромный крест на массивной цепи.
- (3) *Темпоральная организация осложнений сюжета*:
 - (1) Ребёнок мой, открыв рот, внимательно рассматривает невиданное доселе чудо.
 - (2) Обошла пару раз кругом,
 - (3) почесала затылок.
 - (4) Батюшка взирал на эти эволюции с олимпийским спокойствием.
 - (5) Потом дочка подошла ко мне и громко спросила: — Папа! А почему у Деда Мороза одежда чёрная? Снегурочка померла?
- (4) *Оценка*: Батюшка посмеялся, купил дочке шоколадку и благословил... (<http://www.anekdot.ru/an/an1306/o130606.html#3>)

2.3 Динамика добавления новогодних историй на сайт

Как видно из приведенных ниже графиков, основной массив новогодней нефикциональной прозы добавляется на сайт в новогодний период: в январе и декабре. Здесь следует, очевидно, различать истории о прошлом, ритуально приуроченные к наступлению праздника и свежие мемораты/фабулаты (январский цикл), представляющие жанр «отчета» о встрече Нового года. На *диаграмме 1* представлена относительная частота добавлений текстов на сайт по дням года. Количество записей 313:

На диаграмме 2 представлена абсолютная частота добавлений текстов на сайт, в зависимости от месяца:

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНЫЕ ЧЕРТЫ НЕСКАЗОЧНОЙ «НОВОГОДНЕЙ» ПРОЗЫ

3.1 Название/наживка

Несмотря на то, что авторам историй, опубликованных на сайте, не требуется использование резюме или любого другого маркера начала повествования, которые были бы необходимы в случае устного общения, некоторые все же решают обозначить начало рассказа заголовком (относящимися скорее к жанру наивной литературы, чем к фольклорным нарративам) или вводной фразой, которая выполняет функцию *краткого обзора* в устной речи и свидетельствует о том, что автор сам, в определенной степени, воспринимает публикацию своего текста как устный рассказ для собеседников.

Так, некоторые авторы стараются мотивировать и оправдать свою публикацию, обозначив ее приуроченность к «предновогоднему периоду», когда, по их представлениям, рассказывание новогодних историй является уместным. К таким *оправдательным* заголовкам можно отнести, например, следующие:

- *Новогодне-рождественское.*
- *Новогодняя история*
- *Новогодняя История*
- *Новогодняя.*
- *Навеяно новогодними праздниками.*
- *Новый год навеял.*
- *Новый год уже не далеко, а вдруг конец света. Потому расскажу вам свою новогоднюю историю, что б успеть. И так, "Я и Дед Мороз", **слушайте.***
- *Вот вам новогодняя история, новогодней не бывает.*

Также встречаются зачины текстов, вступающие в виртуальный диалог с предыдущими публикациями автора или другими авторами сайта, что также может свидетельствовать о том, что авторы воспринимают сайт «Анекдоты из России» как площадку для живой беседы:

- *Сомневался, стоит ли писать, но история про мальчика с автоматом (лучшая за 07.01.2010) заставила.*

- *Хочу поведать историю про продолжение встречи Нового 1994 года в бытность мою службы в Армии*
- *Прочитал в "Дополнительных" историю про Деда Мороза, ну, и вспомнил... Служил я тогда в высоком воинском звании "лейтенант".*
- *История про "настоящего Деда Мороза" напомнила мне, как сам я выступил в роли "настоящего Деда Мороза".*
- *Навеяно историй №10 от 30.01.01 про Саню в детсаду...*
- *Переслал я историю про деда мороза в троллейбусе (лучшая за 17.01) своей коллеге.*

Третьим частотным типом маркеров начала текста являются названия, имитирующие названия произведений в литературной традиции, авторами используются, по их мнению, меткие высказывания, устоявшиеся выражения и поговорки (модифицированные и в оригинале).

- *Утренник в детском саду, или Здравствуй, жюпа новый год.*
- *Утка под елкой или Дед Мороз существует!*
- *Трудные будни Деда Мороза.*
- *От Деда Мороза лично в руки!*
- *А папе – портмоне!*
- *ПЛОХОЙ СЛУХ.*
- *О времена, о нравы...*
- *ДИКИЕ ЛЕБЕДИ*

Также встречаются зачины, указывающие на *истинного* автора истории например:

- *Не мое, рассказал старший товарищ.*
- *Рассказала подруга жены.*
- *Эту историю я слышал от одной своей знакомой.*
- *Пожалуй, начну про Новый год. Только что приятель рассказал...*

При этом, даже после такого зачина, повествование может продолжиться не только в третьем, но и в первом лице, см.: *Не мое, рассказал старший товарищ. Про Деда Мороза... Недавно с однокурсниками **собрались**, столик в ресторане на пятинадцатилетие окончания **Буза** **заказали**. **Сидим**, **кушаем**, **музыку** **слушаем*** (<http://www.anekdot.ru/an/an1410/o141013.html#11>); *история предновогодняя. рассказана мужем сестры. передаю от первого лица.* (<http://www.anekdot.ru/an/an0011/o001126.html#13>)

Кроме упомянутых выше типов вводных фраз, встречаются и чисто разговорные конструкции, маркирующие начало повествования:

- *Короче, дело было так.*
- *Был такой случай.*

3.2 Ориентация

Как уже говорилось выше, авторам историй, опубликованных на сайте, не требуется использование резюме или любого другого маркера начала повествования, которые были бы необходимы в случае устного общения, поэтому основная масса текстов из выделенного нами корпуса начинается с ориентации читателя/слушателя, то есть со «сценографии» и ответов на вопросы *кто? где? и когда?* Однако, поскольку нам кажется, что рассматривать эти элементы ориентации по отдельности нецелесообразно, так как они являются взаимозависимыми, мы будем рассматривать их сочетания.

Истории, время действия которых не приходится на период праздников.

В рассмотренном нами корпусе текстов таких историй было 8 и они обладали сходным сюжетом и действующими лицами — это истории, в которых ребенок принимает за Деда Мороза встретившегося мужчину с седой бородой (5 истории где за Деда Мороза принимали православного священника: «*Рядом с нами стоит классический батюшка: 2 метра ростом, 3 метра в объёме, седая борода до груди и огромный крест на массивной цепи*», 2 истории где за Деда Мороза принимали байкера: «*Классика - кожаные штаны, казаки,*

кожаная жилетка на голое тело, на одном предплечье татуха ZZ Top, на другом - AD/DC. И... Огромная белоснежная шевелюра с кудряшками, и такая же белоснежная борода до пупа», «А дядя, надо заметить, такой из себя очень колоритный рокер - наколки, заклепки, потрепанный кожаный жилет, каска обколота с рогами. И вообще, здоровый такой потный боров, живот как пивная бочка, длинные косматые седые волосы, седая же борода»)). Время и место действия в таких историях отражают совершенно бытовые ситуации, например: (*«В пятницу подъезжаю к гипермаркету, затариться пивком да креветками», «Стоим с шестилетней дочкой на платформе, ждём электричку»*), а комический эффект возникает за счет того, что ребенок не понимает осознаваемого взрослым противопоставления религиозного/светского и опасного/маргинального и детского.

Истории, относящиеся к праздничному периоду.

Истории, действие которых происходит в условный праздничный период можно разделить на несколько типов:

- 1. Истории, действие которых происходит на детских праздниках.** Места действия таких историй: дома (празднование с друзьями и семьей, когда в роли Деда Мороза выступает либо один из родственников либо приглашенный актер), на елке в детском саду/школе/театре/Доме культуры/на рабочем месте родителей (реже и в более поздних историях— в торговом центре).
- 2. Истории, действие которых происходит на праздниках для взрослых:** дома или на рабочем месте. Отдельно стоит упомянуть истории, связанные со службой в армии — в таких историях также часто появляется мотив переодевания мужчины в Снегурочку (см: *«А вот Снегурочка заметалась по сцене. Надо сказать, что Снегурка получилась классная - нашли самого маленького солдата, пришедшего в часть 2 недели назад, надели на него платье, наругали щеки, губы, одели парик...»*, <http://www.anekdot.ru/an/an9909/o990912.html#8>) или нарушения армейского устава (совместная праздничная трапеза или перенос времени отбоя, воспринимающиеся рассказчикам как *новогоднее чудо*, см., например: *«Наше новогоднее строевое занятие закончилось ровно в 01.00. Ротный скомандовал: «Рота, ровняйся! Смирно! Вольно. Ребятки, извиняйте если что не так. Но я хоть как-то хотел наказать крысу, которая стоит сейчас среди вас...а методы у меня сами понимаете —*

армейские. Ладно, побыл я сегодня злым дедом морозом, а теперь побуду и добрым. Пошли за мной к «зилку». Ко всеобщему восторгу, из грузовика мы вытащили торты, соки, лимонад, колбасы, мандарины и еще много, много всего, без чего не бывает нового года. <...> В эту ночь мы гуляли до пяти утра на зависть другим ротам, которые уже давно спали, и каждый второй тост был: «Выпьем за то, чтобы наш крысеный пироженкой подавился...», <http://www.anekdot.ru/an/an1012/o101231.html#16>

3. **Истории происходящие вне праздничных мероприятий, но с участием новогодних персонажей:** на улице, в транспорте. Частым мотивом таких историй является возвращение новогодних персонажей домой после проведения праздников для детей, на которых актеры употребляли алкогольные напитки, так же дважды упоминаются драки между двумя актерами, одетыми в костюмы Деда Мороза («Наблюдал я такую картину: с двух сторон к одному и тому же подъезду движутся (как и положено - с мешками подарков за плечами, с посохами, со своими спутницами - Снегурочками) два Деда Мороза. Оба уже напоздравлявшиеся в дугу.» (<http://www.anekdot.ru/an/an9901/o990105.html#1>), «В общем, 30 декабря днем в комнату вбегают мой младший брат, ходивший тогда еще в детский сад, на лице у него круглые глаза, полные удивления, и оглашает нашу каморку криками: "Мама, мам, пойдем скорей, там на улице два пьяных Деда Мороза дерутся". Я, конечно, собрался и бегом на улицу, где передо мной развернулась потрясающая картина: В окружении обомлевшей детворы всех возрастов катается клубок, судя по прикиду состоящий действительно из Дедов Морозов. В воздухе мелькают руки, ноги, бороды, шапки, мешки и посохи.» (<http://www.anekdot.ru/an/an0201/o020105.html#1>))
4. **Истории в резиденции новогодних персонажей (Великий Устюг, Лапландия).** Рассказов, в которых описываемые события происходили бы резиденции Деда Мороза и Санта-Клауса в рассматриваемых нами текстах оказалось всего пять (один повторяется дважды), при этом такое нетипичное место действия не стало причиной появления необычного сюжета: главный мотив одной из историй — проверка ребенком «настоящести» Деда Мороза («Многие дети сомневаются в том, что Дед Мороз настоящий. Моя маленькая дочь не исключение», <http://www.anekdot.ru/an/an1601/o160114.html#1>), а второй — грубость, сказанная

ребенком неосознанно («*Вошли, наконец. Актер в костюме и бородой начал нам улыбаться, как вдруг Руслан ему заявляет: Терве, саттама перккеле! У Деда Мороза чуть борода не отвалилась, прикиньте его реакцию - заходит маленький ребенок и с акцентом говорит: Здорово, е.....ный черт! Я сына вытаскиваю, кричу - кто подучил тебя по-фински материться?»*», <http://www.anekdot.ru/an/an0201/o020119.html#3>), эта история, опубликованная разными авторами, встречается в корпусе дважды (<http://www.anekdot.ru/an/an0201/t020118.html#24>).

5. **Истории, происходящие вне праздников и без участия новогодних персонажей, но в новогодний период.** Например, в рассмотренном нами массиве текстов встречаются тексты, в которых рассказчики попадают в неприятную ситуацию и воспринимают свое случайное спасение как подарок от Деда Мороза, который появляется в тексте либо как функция, либо как мужчина с седой бородой. Интересно, что в рассматриваемом нами корпусе текстов местом действия для таких историй оказывается общественный транспорт: электричка, междугородний поезд и самолет. В заключении таких историй авторы выносят благодарность судьбе в лице Деда Мороза за чудесное избавление от неприятной ситуации (голода, болтливой соседки в самолете и т. д.): *Так что судьба подарила мне не только возможность лететь в Америку с комфортом, улаждая вкус своей хорошей едой и виски Tullamore Dew, но и разлучила с надоедливой попутчицей. За это, Дед Мороз, тебе особое спасибо! Обещаю и в будущем году вести себя хорошо - по возможности, конечно!* См. <http://www.anekdot.ru/an/an1211/o121129.html#6> и <http://www.anekdot.ru/an/an1212/o121228.html#9>. Так же встречаются истории, в которых герой/героиня перед праздниками случайно находят деньги, необходимые для надлежащей организации праздника, и интерпретируют это как доказательство существования Деда Мороза: *«Протирая пятна, случайно задеваю кофейную банку. И тут... с трепетом в душе вижу - между банкой и стенкой на меня робко глядит кончик пятисотрублевой купюры. Я, конечно, возрадовался, но это было только начало! Развернув купюру, я обнаружил еще 5 таких же бумажек, итого: три тысячи рублей! Я с детства знал, что Деда Мороза нет, но в 38 лет я в него поверил!!! Всех с Новым Годом! И пусть Дед Мороз придет к каждому в дом!!!»* (<http://www.anekdot.ru/an/an0301/o030101.html#10>), *«В нашей семье есть традиция -*

на новогоднем столе обязательно должна быть утка с яблоками, хоть ничего другого, но утка должна быть и точка! Эту традицию начали с 1991-го года, так и соблюдаем! В 94-м (мне было 10 лет) пришла черная-безденежная полоса, мама с трудом могла работать, денег или не было вообще, или было крайне мало <...> Вечер пятницы, 30 декабря 1994 г., в кармане у мамы всего 20 рублей, понятно, что в этом году утки не будет, но будет пюре и селедка. Она возвращается домой, заходя на рынок купить что-нибудь на праздничный стол, ну и мандаринки). Уже почти все торговцы закрыты, и одна-единственная бабуля стоит и продает одного единственного утенка, не утку, а именно утенка, весом до килограмма! Цена - 20 рублей! Как говорится - берем не торгуясь!))) На этом чудеса не кончаются - идя с этой чудо-уткой через рынок, в снегу мама находит сторублевую бумажку!!! Были тут и слезы счастья, и елка, и мандаринки, и утка с яблоками, и даже маленький конфетный подарок!» (<http://www.anekdot.ru/an/an1511/o151113.html#12>)

- б. **Истории, происходящие в магазинах игрушек** или других публичных пространствах, связанные с покупкой подарков, заказанных детьми в письмах Деду Морозу и трудностями, которые родителям необходимо преодолеть (например, если нет нужной игрушки или если ребенок бросил письмо в почтовый ящик в публичном месте и теперь его сложно достать).

Отдельно стоит отметить истории, **наиболее близкие к жанру анекдота**, в которых описывается только содержание детских писем к Деду Морозу или короткие диалоги с детьми, а информация, относящаяся к ориентации оказывается минимальной:

- 29.12.2010 *Новости по Интернету. Детишки присылают на Киевский почтамп просьбы к Деду Морозу. Почти дословно: Дедушка, пожалуйста, пришли моей бабушке...(какую-то дребедень), бабушке пришли...(тоже какую-то дребедень), маме пришли...(тоже что-то), а мне пришли автомат и три патрона! Интересно, для кого.* (<http://www.anekdot.ru/an/an1012/o101230.html#9>)
- *Сегодня сын (7 лет) написал письмо Деду Морозу: "Здаствей дед мороз. Я хочу штобы ты падарил мне на новый год планшетку. Но если ты щитаеш что я не заслужил её то подари её папе!"* (<http://www.anekdot.ru/an/an1212/o121222.html#8>)
- *Сын просит отправить письмо Деду Морозу. Мотивирует тем, что уже давно*

слушается. *Пытаюсь воззвать к совести: - И когда ты последний раз меня слушался? - Сегодня. - Это когда же???* - *Когда ты позвала обедать!»*
(<http://www.anekdot.ru/an/an1412/o141205.html#5>)

- «*Сын рассуждает: — И почему никто не видит, как Дед Мороз подарки под ёлку кладёт?! Есть же видеокамеры... капканы...*

(<http://www.anekdot.ru/an/an1603/o160302.html#10>)
- *В детстве верила, как и все дети, в Деда Мороза. Как-то раз мама забыла положить подарок под ёлку, я встаю, вижу подарка нет, бужу маму, и тут мама достаёт подарок из комода и аргументирует это так: "Доча, Дед Мороз напился и перепутал".*
(<http://www.anekdot.ru/an/an1512/o151209.html#9>)

3.3 Типичные мотивы и сюжеты

Изучив отобранные нами тексты, мы смогли обнаружить некоторые типичные *мотивы и сюжеты* несказочных нарративов с новогодней тематикой. В этом разделе мы попробуем определить и описать типичные мотивы и сюжеты, пользуясь следующими определениями, предложенными А.Н. Веселовским [Веселовский]:

Мотив. По определению Веселовского, *мотив* — это неразлагаемый далее элемент повествования. А.Н. Веселовский приводит следующий пример: «Простейший род мотива может быть выражен формулой $a + b$: злая старуха не любит красавицу — и задает ей опасную для жизни задачу» [Там же]. Отличительной чертой мотива также является его повторяемость — однородные мотивы могут зарождаться в повествованиях разных авторов, при этом их сходство нельзя объяснить заимствованием, оно объясняется «однородностью бытовых условий и отложившихся в них психических процессов» [Там же]. Каждая часть формулы мотива способна видоизмениться, особенно это относится к элементу b , и так, при помощи *осложнений* этих элементов, мотив превращается в **сюжет**.

Актер/актриса исполняющие роли новогодних персонажей употребляют алкогольные напитки (в ритуальных целях) и пытаются вернуться домой — мотив дороги домой в состоянии алкогольного опьянения не всегда оказывается главным в нарративе, однако встречается часто:

- *<...> Дедушка Мороз, живший рядом со мной, напраздновался до коматозного состояния и самостоятельно до дома добраться уже не мог. Поскольку мне все равно надо было ловить машину, решено было отправить его со мной. Мы с Дедушкой, так и не снявшим свой наряд, и красным мешком подарков, в который были сложены остатки праздничной закуски и выпивки вышли на улицу. Шансы поймать тачку в это время были ничтожно малы, но на наше счастье, в дали показались два ярких огонька. Я поднял руку. Машина притормозила. В ней сидели два широко улыбавшихся милиционера.*
- *<...> Ну, как пришла? Приползла! В зюзю кривой Дедушка Мороз пилил, качаясь, домой, к своим морозятам, когда увидел наших героев.*
- *<...> И вот, третий час ночи, я уныло брожу по гарнизону с патрульными, завистливо заглядывая в окна... И вдруг, боец мне говорит: - Товарищ лейтенант, там, в сугробе, по моему Дед Мороз лежит... рыжий! Ну, думаю, солдатюра, зараза, когда успел-то?! Но нет - точно, в сугробе лежит Дед Мороз и плачет, разливается! - Витя, ты чего? - Да-а, тебе, вон, хорошо, ты трезвый! А я в один дом зашел - налили! В другой - налили! И все разное... Потом от меня ребенок под стол спрятался, но это уже в шестой, кажется, квартире... , где я елку уронил. Снегурочка, вот у меня нажралась, оставил спать где-то, не помню...*
- *Для русского человека, не выпить с Дедом Морозом самогона это все равно что грех на душу брать. <...> 17.30 Из-за неудовлетворительного состояния здоровья, Дедом Морозом, было принято решения ночевать в одном из сугробов.*
- *Коллектив немаленький, везде наливают, отстрелялись поздно. Сначала забросили домой Снегурку (никакую, да не о ней речь). Затем занялись доставкой Дедули Мороза, который к тому моменту был и еще более никакой, чем Снегурочка. Проблема заключалась в том, что адреса Дедули водитель машины не знал, а при попытке добиться ответа, получал лишь невнятное мычание типа: "Вторая улица строителей, дом такой-то, квартира а-хрен-ее-знает."*

Ребенок говорит грубость или двусмысленность в ответ на безобидный вопрос/реплику со стороны новогоднего персонажа — как правило в таких историях неуместная реплика ребенка/стишок и является главным сообщаемым событием нарратива, в некоторых случаях нарратив продолжается, чтобы объяснить, где ребенок научился грубостям

(58 раз):

- *Появился Дедушко на сцене и начал катать обычную вату: пришёл оттуда, то да сё, спешил и прочее. Когда он сказал, что принёс подарки и скинул мешок с плеч, из толпы детворы раздался слегка писклявый Витин вопль: "Спиздишил!".*
- *Сейчас к соседу заходил. Они сынишке деда Мороза заказали. Короче, отдаёт он ребенку подарок по прочтению стишка. - Павлик, а что надо Дедушке Морозу сказать? - Водка на кухне.*
- *Воспитательница рассказала: «Роль забрали, потому что он не может выговорить приветствие, в самой первой своей фразе Сережа - волшебник говорил детям – Здравствуйте дети! Я волшебник, а вы все гомики (вместо гномики). Сколько мы его не переучивали – ничего не получилось. Пришлось Сережу понизить до рядового гномика».*
- *Здравствуй дедушка Мороз - при этой фразе наступила тишина Борода из ваты - тут все напряглись (родители, воспитатели, Дед мороз) Почему ты опоздал? - в зале облегченный выдох Замучался с простатой? Занавес. То что дочка потом рассказывала стишок, положенный по сценарию уже никого не интересовало. PS Откуда она его взяла - загадка до сих пор.*
- *Стихотворению, которое Вовочка принялся бойко рассказывать, научил его старший брат, хулиган-второклассник. Вообще-то в нем было много непонятных Вовочке слов, но дедушке определенно должно было понравиться, потому что посвящалось оно именно Деду Морозу: - Здравствуй, дедушка Мороз, Борода из ваты, Ты подарки нам принес, П#\$^&c горбатый. И дальше, по тексту.*
- *И вот выходит на сцену пацаненок лет 5-6, но уже такого полубандитского вида (будущий новый русский, наверное) и читает следующий стишок: (кто стишок знает, простите за неполную версию) Дедушка Ленин декрет написал Водку и пиво он пить приказал Пейте, братва, животы надрывайте Девоч своих на декрет посылайте! <> - А подарка я тебе, мальчик, не дам. Мне твой стишок не понравился! Сказал и в назидание другим строго так в зал посмотрел. А мальчик надул губки и прямо в микрофон: - Ну какой же ты все-таки гандон, Дед Мороз! Можете себе представить, что в зале происходило... С кресел сползали...*

Актер/актриса, играющий/-ая Деда Мороза или Снегурочку говорит грубость или двусмысленность (от усталости, связанной с необходимостью проводить множество «елок» подряд или под воздействием алкоголя) (21 раз) :

- *И, значит, один из студентов просто-таки обворожил всех своим исполнением роли Деда Мороза, но в антракте основательно поднабрался (естественно не молока) и после перерыва к американским детишкам выползло нечто с красным как свекла лицом, бородой на затылке, и странно блестящими глазами. И, видимо от изрядной доли выпитого и непривычного названия "Санта- Клаус", произнес: - А теперь, дети, давайте все дружно позовем: КУ-КЛУС-КЛАН!!!*
- *Я пришел через поля, через леса И принес вам чудеса. ДМ собирается с силами и выдает: Я пришел через леса, через поля И принес вам... (пауза, потом так обреченно) НИ%УЯ*
- *Палочкой волшебной я касаюсь ветки, Все огни погасли, ну вас на хрен, детки. Занавес.*
- *Наступает третий по счету утренник. По сценарию мой любимый должен был читать деткам сей стишок: "На полянке тишина\Светит полная луна\Зайцы пляшут на горе\Все деревья в серебре\На пруду сверкает лед\Наступает Новый Год!" И вот он, слегка нетрезвый и мучающийся в тяжелом и жарком наряде, начинает : "На полянке тишина.. (далее следует молчание, потому как следующие строчки попросту забыл!!) И не видно ни хрена!!! На пруду сверкает лед, Наступает Новый Год!!!"*
- *На детском утреннике ученик старшего класса очень долго готовился сыграть деда Мороза.. Долго учил всякие стишки, игры.. И в итоге коронным номером стало отгадывание детьми младших классов загадок, одна из которых была: "Седовлас и краснонос, кто я, дети?".. на что они должны были хором ответить "Дед Мороз" Видимо парень для смелости хлебнул, поэтому сказал так: "Седовлас и красноглаз, кто я дети?"... На что умные детишки ответили.. "Пи... з" (этот стишок и сюжет встречаются дважды, с незначительными изменениями в описании места и времени действия)*

Узнавание Деда Мороза ребенком/проверка существования/реальности Деда Мороза — эти мотивы встречается в рассматриваемом нами корпусе текстов 35 раз (в таблице такие истории отмечены в колонке *Настоящий ли Дед Мороз?*). Более частотным является мотив проверки ребенком реального существования Деда Мороза по косвенным

признакам (подарит ли игрушку, которую попросили в письме, получит ли подарок, отправленный в Великий Устюг, получит ли отправленное письмо, употребляет ли алкоголь и т.д.):

- *Вопрос о существовании Деда Мороза мой семилетний сын для себя окончательно решил в этом году. Вытащив 1-го января утром из под елки коробку с LEGO "Ferrari F1" (родители маленьких мальчиков меня поймут) заявил: Дед Мороз есть!!! Ты бы мне такую дорогую не купил...*
- *<...> Но когда волчара протягивает четвертинку подошедшему Деду Морозу, а тот с благодарностью "добывает" остаток, моя система ценностей начинает стремительно рушиться. Я рыдаю и тяну отца прочь от этого страшного места. С тех пор на протяжении нескольких лет новогодние подарки я получал только от Снегурочки...*
- *<...> Потом её мать рассказывала, что как только мы за порог вышли, девчушка бросилась звонить подруге: - А ко мне НАСТОЯЩИЙ Дед Мороз приходил. - Не бывает Деда Мороза, - ответила подруга - это какой-то дяденька к тебе приходил с работы твоей мамы. - Нет-нет, у меня был НАСТОЯЩИЙ Дед Мороз - он отказался от водки и пельменей, но съел мороженое!*
- *<...> Продавцы, гадая о возможном содержании уже опущенных туда писем, вспомнили прошлогоднюю историю: Мальчик лет 10-11 зашел в магазин сразу после уроков. Со словами – «Вот и посмотрим» - он бросил в дедморозовский ящик письмо, и ушел.*
- *Все же в детстве хотели узнать, существует ли Дед Мороз или нет? Думаю, что все. Обычно это делают методом: - Па-ап, ну скажи-и-и... Но я в свои восемь лет пошёл дальше. План мой был прост: исписать всё своё письмо к Деду Морозу отборными матюками и тем самым выяснить, читают ли его родители. Моя горящая задница дала чётко понять, что послание родители внимательно прочитали, а Деда Мороза, следовательно, не существует. Вот так в восемь лет я стал мужчиной.*
- *<...> Вчера вечером дочка не слушается, кричит, плачет. Я пробую главный аргумент для успокоения: "Если не успокоишься, я напишу Деду Морозу как ты себя ведёшь, и он не принесёт тебе подарок". Она: "Неправда, ты не можешь ему написать". Я (ликуя в душе, наконец-то свершилось!!!): "Почему?" И тут она разбила мои светлые мечты: "Я смотрела твой WhatsApp, у тебя в списке контактов нет Деда Мороза".*

Также частым является мотив **узнавания под маской Деда Мороза родственника/знакомого человека**, которое приводит к появлению комической ситуации, являющейся главным сообщаемым событием нарратива:

- *<...> С работы вернулся поздно, дочура уже спала. Жена рассказала, что перед сном она выдала «страшную тайну»: - Мама, а наш папа – Дед Мороз! - Почему это? - У нас сегодня был Дед Мороз и у него были папины ботинки!*
- *<...> Но мой сынишка (5,5 лет) это дело просек: - Это не Дед Мороз! Это дедушка переодетый! Проблема...!*
- *Когда моему сыну было года 3-3,5 решили его на Новый год дедом Морозом удивить. Роль деда Мороза исполняла моя мать. <...> Мать измененным до неузнаваемости голосом: "Здравствуй, Женечка, узнал ли ты меня?" Женя с отвисшей челюстью: "Узнал, узнал, бабушка Зина."*
- *<...> Первый, второй, третий, и, наконец, все уставились на ноги Деда Мороза. Следуя их примеру, глянули и взрослые. Есть о чем задуматься. Из-под полы шубы выглядывают женские сапоги на шпильках.*

Ребенок принял за Деда Мороза бородатого мужчину — этот мотив встречается в рассмотренных нами текстах девять раз, во всех случаях он и является главным сообщаемым событием нарратива, создающим комический эффект за счет противопоставления религиозных и светских или маргинальных и детских реалий:

- *Наши двухлетний сын тоже знаком с этим праздником только в силу семейных традиций. И вот 1 января (по случаю совпавшему с наступлением Субботы) идет с бабушкой по улице. И им навстречу - именно эти ультраортодоксы, по случаю Субботней молитвы облаченные в талесы (длинные белые накидки). - Вот - Дед Мороз! - кричит сын, который знаком с этим персонажем только по картинкам.*
- *Стоим с шестилетней дочкой на платформе, ждём электричку. Рядом с нами стоит классический батюшка: 2 метра ростом, 3 метра в обхвате, седая борода до груди и огромный крест на массивной цепи. <...> Потом дочка подошла ко мне и громко спросила: - Папа! А почему у Деда Мороза одежда чёрная? Снегурочка померла? Батюшка посмеялся, купил дочке шоколадку и благословил...*
- *Младший, медленно отходя от шока, протягивает руки рокеру вослед и шепотом так:*

"Дед Мороз?.."

- *Поп прочитал молитву, всех покрестил и начал обрызгивать святой водой с помощью кисточки. (Еще раз простите за безграмотность, но это никак не мешает мне уважать все эти действия). И в самый пик этого в высшей мере благопристойного момента один из чад звонким детским голоском выдает: Мама, а зачем дед мороз меня водой обрызгал?*
- *В Канаде уже 4й год живем. Сегодня дочь 5ти лет приходит из католической школы и, на вопрос, что же она там весь день делала, после минуты раздумий радостно выдает: "К нам приходили два деда Мороза, но подарки, конечно, забыли, только много пели! Папа, что сейчас зима?!" Вот так ребенок атеистов оценил местную литургию по случаю начала учебного года...*

Взрослый считает удачное стечение обстоятельств подарком от Деда Мороза и описывает ситуацию как чудо — этот мотив встречается в рассмотренном нами корпусе текстов 6 раз, во всех историях он и является главным событием нарратива.

- *Вы не верите в Деда Мороза? А верите ли вы объявлению в аэропорту, что рейс задержан по метеоусловиям? Тогда читайте. <...> Мы приносим свои извинения за задержку рейса по причине ХЕРОВОЙ РАБОТЫ СЛУЖБ АЭРОПОРТА." Осознав, что сказал немного не то, пилот поправился: "Из-за плохих метеоусловий". Ну вот собственно и все. Вечером мы были в Москве. Так Дед Мороз есть? А рейс вам почему задержали?*
- *Каждый из нас, неоднократно видел человека переодетого в деда мороза, но никто кроме меня, не видел деда мороза переодетого в человека. Так, уже будучи здоровым лбом, я по-настоящему уверовал в существование Деда Мороза.*
- *Так что судьба подарила мне не только возможность лететь в Америку с комфортом, улаждая вкус свой хорошей едой и виски Tullamore Dew, но и разлучила с надоедливой попутчицей. За это, Дед Мороз, тебе особое спасибо! Обещаю и в будущем году вести себя хорошо - по возможности, конечно!*
- *Новый год уже не далеко, а вдруг конец света. Потому расскажу вам свою новогоднюю историю, что б успеть. И так, "Я и Дед Мороз", слушайте. <...> Из любопытства дёрнул ручку, а дверка и открылась. (Это первое новогоднее чудо. Уберёг меня Дед*

Мороз от мелкого хулиганства). <...> Мне даже в голову не пришло, что имеется полная сумка жидкого, но в очень твёрдой оболочке подручного материала. (Так Дед предотвратил моё второе правонарушение). Единственное, что мне удалось, это открыть форточку. Её размеры? Окно в туалете это треть вагонного окна. На каком-то полустанке, в зимней одежде, с сумкой полной бутылок, которую не бросишь вперёд, поезд стоит - двери открылись-двери закрылись, секунд 30, я умудряюсь вылезть на платформу. Что интересно, прошло более 20 лет. Все свои мысли, чувства, впечатления о том случае я помню досконально, а вот как вылез не помню. Вот схватился руками за раму, а вот уже материализовался на платформе. Это считаю третьим чудом Деда. P.S. На праздник я успел.

- *Утка под елкой или Дед Мороз существует! <...> Уже почти все торговцы закрыты, и одна-единственная бабуля стоит и продает одного единственного утенка, не утку, а именно утенка, весом до килограмма! Цена - 20 рублей! Как говорится - берем не торгуясь!))) На этом чудеса не кончаются - идя с этой чудо-уткой через рынок, в снегу мама находит сторублевую бумажку!!! Были тут и слезы счастья, и елка, и мандаринки, и утка с яблоками, и даже маленький конфетный подарок!*

3.4 Кода/завершение нарратива и вынесение оценки описываемым событиям

Как и в случае с *наживкой* или зачином, обозначающими начало рассказа в разговоре, графическое или словесное оформление окончания повествования не является обязательным. Несмотря на это, многие авторы все же принимают решение обозначить окончание истории, используя *коду*, возвращающую читателей/слушателей в *здесь и сейчас* и предупреждающую появление вопроса *и что дальше?* после описания пунта истории/главного сообщаемого события.

- *Занавес.*
- *Занавес. То что дочка потом рассказывала стишок, положенный по сценарию уже никого не интересовало. PS Откуда она его взяла - загадка до сих пор.*
- */*постоянство такого родства - основной механизм рождества!*/*

Уильям Лабов пишет, что для *взрослых* нарративов (к которым, безусловно, относятся рассматриваемые нами тексты) характерно не просто описание произошедших событий, но и их оценка, как субъективная, так и подкрепленная/основанная на мнении третьих лиц [Labov 1]. Поэтому в подавляющем большинстве случаев авторы нарративов (кроме тех историй, которые можно отнести к жанру анекдотов, не позволяющему добавлять коду или оценку после пунта) выносят оценку произошедшим событиям:

- *... и настроение улучшилось! (с)-Е. Гришкова*
- *Партнеров, бьющихся в истерике, искали по кулисам...*
- *Вот дети пошли!*
- *Дед Мороз долго вспоминал следующую фразу сценария...*
- *В общем, в нашей школе решили больше Деда Мороза на новый год не звать*
- *Как сказочно все начиналось и вот так банально все закончилось. Э-эх!*
- *Вот такие вот "межведомственные разборки".*
- *Верьте в чудеса!*
- *P.S. На праздник я успел.*
- *без комментариев....;-)*

Если два предыдущих способа окончания повествования были типичны для любых нарративов, то использование заключительной части своей истории для поздравления с Новым годом читателей сайта (собеседников) или героев своей истории (заочно) является необычным и обуславливается *новогодней* тематикой, представлением о всеобщем характере праздника и необходимости/приемлемости поздравления как знакомых, так и незнакомых людей:

- *еще раз всех любителей сайта <http://www.anekdot.ru/>: С Новым Годом и побольше новых смешных историй и анекдотов. P.P.S. Отдельное спасибо Диме Вернеру!*
- *Всех с Новым годом!*
- *Ирина Александровна, с НОВЫМ ГОДОМ!*
- *Всем участникам событий привет и с Наступившим Новым Годом и рождеством.*
- *Новогодних Вам приключений, дорогие друзья.*
- *Поздравляю всех посетителей сайта [anekdot.ru](http://www.anekdot.ru/) со старым Новым годом.*

Кроме этого, несмотря на то, что многие авторы воспринимают публикацию истории как устный рассказ, некоторые из них используют для оформления окончания истории не слова, а символы, использование которых возможно только на письме, например:

- :)
- 80)

3.5 Типичное описание новогодних персонажей

Маска Деда Мороза обычно описывается рассказчиками как мужчина с седой бородой, как правило, но необязательно, в *красном* халате/шубе и с красным же мешком подарков, что отчасти противоречит типичному описанию внешнего вида Деда Мороза, упоминавшемуся ранее: «это старик в белой шубе и шапке в валенках, с палкой в руке и мешком за плечами» [Душечкина 2001], но скорее всего объясняется широкой распространенностью карнавальных костюмов, сшитых за границей и предназначенных для исполнения роли Санта-Клауса. См. например:

- *Мы с Дедушкой, так и не снявшим свой наряд, и красным мешком подарков, в который были сложены остатки праздничной закуски и выпивки вышли на улицу.*
- *Как-то под Новый год мне удалось раздобыть отличный костюм Деда мороза: борода, усы, шуба и все прочее*
- *Снабдили его для этой операции дедморозовской амуницией, мешком с подарками, автомобилем УАЗ-469 с шофером и Снегурочкой. <...> Мишка в своем красном тулупе и с ватной бородой вышел и начал толкать УАЗ.*
- *картина маслом: бородатый дед в красной шубе и шапке на меху*
- *На каждом свёртке была наклейка с именем ребёнка, и все они были сложены в большой красный мешок*
- *Дед Мороз был красив. В том смысле, что если существовал бы настоящий, то в высоких широтах он выглядел бы именно так: невысокий, но с огромными, тяжёлыми плечами, толстыми, похожими на волосатые сардельки, пальцами, квадратной головой на короткой шее, кустистыми, густыми бровями (своими собственными, уже побитыми сединой), окладистой белой бородой (в данном случае из ваты) и блестящими глазами, которые с тоской смотрели в бездонное звёздное небо.*

- *Приехали два Деда Мороза, такие веселые, носы красные, правда, халаты не них были не красные, а синие.*

В случаях, когда описывается **человек**, которого рассказчик наделяет **функцией Деда Мороза**, чаще всего он описывается как крупный мужчина с седой бородой:

- *Не тот театральный, что из телевизора, в бороде и с мешком подарков по сто рублей, а настоящий, с обычной внешностью и очень добрый...*
- *Он – очень импозантный мужчина, осанистый, с пышной белоснежной шевелюрой и пышной белоснежной же окладистой бородой.*
- *Огромный улыбчивый мужчина с бородой*

Описание маски **Снегурочки** появляется в составленном корпусе 74 раза. Стоит отметить, что в рассматриваемых нами текстах, почти не встречается описание «типичной» Снегурочки, но встречается описание «нетипичной» Снегурочки: *слишком «старой», «некрасивой» или «нецеломудренной»* женщины или мужчины, переодетого женщиной (как мужчины с условно женственной внешностью, так и нарочито мужественной, например с усами и бородой):

- *Снегурочка имела возраст слегка за тридцать и внешность, позволяющую играть молодую Бабу-Ягу, не гримируясь. Но так как других претенденток не было, пришлось брать, что дают.*
- *Снегурочка лет сорока с лишним*
- *Ну и, как полагается, Дед Мороз с фальшивой белой бородой, пожизненная Снегурочка уже почти бальзаковского возраста рядом с ним в голубом мини-халатике пританцовывает...*
- *Ну нарумянили мы его, напихали ваты до шестого размера, одели в красные сапоги и снегурочье пальто и начали критически осматривать произведение, не постесняюсь этого слова, искусства.*
- *Надо сказать, что Снегурка получилась классная - нашли самого маленького солдата, пришедшего в часть 2 недели назад, надели на него платье, нарумянили щеки, губы, одели парик...*
- *решено, что Дедом Морозом будет Паша, а Димон, имеющий более хрупкое*

телосложение, будет внучкой Снегурочкой

- *а Снегурочкой пришлось стать его приехавшему родственнику, полковнику ФСБ с бравыми гвардейскими усами.*
- *Выдали ему подозрительно бледовитую Снегурочку*

Если внешность **Снегурочки** соответствует представлениям о ней рассказчика, то она обычно не описывается или описывается кратко:

- *Пришли мы со Снегурочкой Юлечкой к одной девочке.*
- *снегурочка- Наденька в блестящем белом платье.*
- *как и положено - с мешками подарков за плечами, с посохами, со своими спутницами — Снегурочками)*
- *Мы заняли свои места, заиграла музыка, и на сцену вышла красивая девушка, мужичок в тимах, красном тулупе, шапке, с белой бородой и бакенбардами*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе мы дали очерк истории возникновения новогодних ритуалов и рассмотрели, как происходило развитие этих ритуалов на постсоветском пространстве. Особое внимание мы уделили истории появления персонажей, традиционно связанных с новогодними ритуалами. Также мы предприняли попытку дать характеристику интересующим нас текстам с «новогодней тематикой» с позиции их структуры, прагматики, частотных сюжетов и мотивов.

Кроме того, была составлена, описана и проанализирована база новогодних рассказов. Рассмотрев тексты из составленного нами корпуса можно сделать следующие выводы об особенностях жанра современных новогодних рассказов.

Очевидно, что многие из этих историй связаны с традицией святочных рассказов, повествующих о рождественских чудесах и привязанных к календарному циклу, так как, как пишет Т. Н. Козина: «Влияние насаждавшегося в обществе атеизма проявилось в них через реформирование рождественского хронотопа. События сместились в новогоднюю ночь. Новый год в череде советских праздников оставался для людей «волшебным»: только в это время могло совершиться чудо. Эти рассказы несколько сентиментально напомнили о вечных жизненных ценностях — детях, доброте, семейном счастье» [Козина 2012а]. Они, как и святочные рассказы, представляют собой «особого рода тексты, потребление которых приурочивается к определенному календарному времени, когда только и оказывается возможным их, так сказать, терапевтическое воздействие на читателя» [Душечкина 2007]. Историям про новогоднее чудо противопоставляется крупный блок историй про анти-чудеса, случающиеся в новогоднюю ночь. В корпусе содержатся истории из детства авторов, описывающие личный опыт рассказчика, связанный с новогодними персонажами. Кроме того, в рассматриваемых нами текстах содержится множество описаний случаев рассказывания детьми стишков, родственных с жанром *садистких* стишков, описанных в работах М. Л. Лурье и А. Ф. Белоусова, см. [Лурье] и [Белоусов], и историй о попытках использования образа Деда Мороза в качестве инструмента воспитания.

В дальнейшем представляется целесообразным подключить к уже имеющимся текстам из раздела «Истории» сайта anekdot.ru похожие по структуре и прагматике тексты из русскоязычных блогов (livejournal.com, liveinternet.ru, vk.com и т.д.), а также,

потенциально, и устные рассказы.

И, наконец, безусловно интересным представляется проследить, как влияют фольклорные и ритуальные тексты на массовую культуру, а также — исследовать обратный процесс: влияние массовой культуры на текст ритуала и, через него, на фольклорные тексты. Так, известно, что, при общей структурной неизменности новогоднего ритуала, состав участвующих в нем персонажей со временем обновляется: «на место Тимура и Мальчиша-Кибальчиша приходят домовенок Кузя, детектив Колобок, дядя Федор и пр» [Леонтьева], а сюжеты с участием новогодних персонажей и новогодние ритуальные императивы оказывают влияние на массовую культуру (например, фильмы «Карнавальная ночь», «О чем еще говорят мужчины?», «Ирония судьбы»; литература: «Понедельник начинается в субботу» (вторая часть «Суета сует» [главы 1-3], а позднее — фильм «Чародеи», снятый с использованием некоторых сюжетных элементов книги) и так далее.

ОПИСАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ

Первым приложением к данной работе является электронный документ, в который вошли тексты, отобранные из результатов поиска по ключевым словам «Дед Мороз» в разделе «Истории» на сайте Анекдоты из России (www.anekdot.ru). На 08.05.2016 результатом поиска по таким параметрам являлась выдача из 666 текстов. Из этого массива нами было выбрано 313 текстов, в которых Дед Мороз является действующим лицом или упоминается как функция. В корпус не вошли идентичные публикации одного и того же автора, повторяющиеся из-за того, что они относятся к разным разделам сайта (например, одновременно к «новым историям» и «основным историям»), и рассказы, в которых Дед Мороз и Новый Год являются не основным, а побочным элементом повествования. Документ находится по адресу <https://goo.gl/Kkd6xF>.

Второе приложение к работе – это электронная таблица, в которой содержится информация о структуре каждой конкретной истории. Для идентификации истории используются столбцы «Название/зачин» и «Дата публикации со ссылкой», содержащая прямую ссылку на историю на сайте anekdot.ru. В таблице в соответствующих столбцах отмечено, от чьего лица ведется повествование, являлся ли рассказчик сам Дедом Морозом, когда и где произошла история, упоминаются ли в ней такие элементы как алкоголь, стишки, подарки, Снегурочка, фигурируют ли в повествовании дети. Таблица доступна по адресу <https://goo.gl/Fv7qAi>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адоньева 1999 — *Адоньева С. Б.* История формирования современной новогодней традиции // Мифология и повседневность: Материалы науч. конф., 24-26 февр. 1999 г. СПб., 1999.
2. Anekdot.ru: О проекте — О проекте Анекдоты из России // http://www.anekdot.ru/static/index_about.html (11.06.2013).
3. Белоусов — *Белоусов А.Ф.* Садистские стишки // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. Сост. А.Ф. Белоусов. – М., 1998. – С. 545-578.
4. Вернер — Интервью с Дмитрием Вернером // <http://www.kulichki.com/classic/verner.htm> (11.06.2013).
5. Веселова 1 — *Веселова И. С.* Нарратология стереотипной достоверной прозы // Сайт «Русский фольклор в современных записях» http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php (11.06.2013).
6. Веселова 2 — *Веселова И. С.* О зависимости функции текста от формы его бытования // Сайт «Русский фольклор в современных записях» http://www.folk.ru/Research/veselova_zavisimost.php?rubr=Research-articles (11.06.2013).
7. Веселовский — *Веселовский А.Н.* Поэтика сюжетов // <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselovsky1.htm> (23.05.2016).
8. Душечкина 2012 — *Душечкина Е.В.* Русская елка. История, мифология, литература. СПб., 2012.
9. Душечкина 2008 — *Душечкина Е.В.* Три века русской елки // Наука и жизнь. 2007, №12. <http://www.nkj.ru/archive/articles/12362/> (11.06.2013).
10. Душечкина 2003 — *Душечкина Е.В.* Легенда о человеке, подарившем елку советским детям // Отечественные записки. 2003, №1. http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_28.html (11.06.2013).
11. Душечкина 2001 — *Душечкина Е.В.* Дед Мороз: этапы большого пути (К 160-летию литературного образа) // Новое литературное обозрение. 2001, №47 <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/47/dush.html> (11.06.2013).
12. Душечкина 2007 — *Душечкина Е.В.* Святочный рассказ //

- <http://art.1september.ru/article.php?ID=200702305> (28.05.2016)
13. Козина 2012а — *Козина Т.Н.* Метаморфозы рождественского архетипа в современном рассказе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 84–90.
 14. Козина 2012б — *Козина Т.Н.* Тема Рождества в современной прозе // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 292–295.
 15. Леонтьева — *Леонтьева С.Г.* Детский новогодний праздник: сценарий и миф // Отечественные записки. 2003, №1. http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_32.html (11.06.2013).
 16. Лурье — *Лурье М.Л.* Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое // АФ. 2007. № 6. – 287–309
 17. Мельникова — *Мельникова Е.А.* Идеальное детство в устной биографии // <http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/me11-pr.html> (28.05.2016)
 18. Николаев — *Николаев О.* Новый год: праздник или ожидание праздника?// Отечественные записки. 2003, №1. http://magazines.russ.ru/oz/2003/1/2003_01_20-pr.html (11.06.2013).
 19. Новик — *Новик Е.С.* К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik10.htm> (09.05.2016).
 20. Хромова 2007 — *Хромова А.В.* Советская мифология новогоднего ритуала // Конструируя «советское»: Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. Спб, 2007. С.38-39.
 21. Хромова 2003а — *Хромова А.В.* Тексты для детей в новогоднем ритуале // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С.41-51.
 22. Хромова 2003б — *Хромова А.В.* Письма детей Деду Морозу // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С.99-109.
 23. Labov 1 — *Labov, William.* Oral Narratives of Personal Experience // [Phttp://www.ling.upenn.edu/~wlabov/Papers/FebOralNarPE.pdf](http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/Papers/FebOralNarPE.pdf) (09.05.2016).
 24. Labov 2 — *Labov, William.* Some Further Steps in Narrative Analysis // <http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/sfs.html> (11.05.2016).
 25. Labov 3 — *Labov, William* Uncovering the event structure of narrative // <http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/uesn.pdf> (09.05.2016)

Kokkuvõte

Näärivana kujund tänapäeva rahvaluules

Käesoleva magistritöö eesmärgiks on vaadelda näärivana kujundi ja ka mõningate teiste nõukogude aastavahetuse rituaaliga seotud tegelaste ilmumisi kaasaegsetes mitteilukirjanduslikes proosatekstides, mis ei ole sisult muinasjutulised. Selle jaoks sai koostatud tekstide korpus, kuhu valisime lühikesi koomilise sisuga proosatekste, mis oma jutustuslaadilt taotlevad tõepärasust ning mille leviku keskkonnaks on internet. Ühtlasi on töös antud põhjalik ülevaade sellest, kuidas tekkisid ja arenesid talviste pühadega seotud rituaalid Venemaal, mis hiljem levisid üle terve Nõukogude Liidu territooriumi.

Töös esitatud tekstide valik pärineb internetilehekülje „Anekdooidid Venemaalt“ (<http://www.anekdot.ru/>) alajaotusest „Lood“. Vaatluse alla on võetud tekstid, milles sõna „näärivana“ tähistab kas tegelast, tegelase funktsiooni või maskeeringut. Välja on jäetud need juhtumid, kus antud sõna esineb kas ülekantud tähenduses või fraseologismi koosseisus. Lisaks jäid korpusest välja lugude kordused, mis olid tingitud sellest, et üks ja sama lugu võis kuuluda erinevate alajaotuse alla (nt „uued lood“ ja „põhilood“).

Antud töö koosneb kolmest peatükist. Esimene peatükk annab historiograafilise ülevaate piirneva probleemaatikaga töödest (uusaastapidustuste ajalugu Peetri-järgsel Venemaal, rituaalide peamised tegelased). Magistritöö teine peatükk kirjeldab uusaastapidustuste süželist potentsiaali, lähtudes uuritava žanri perspektiivist. Kolmandas peatükis analüüsime aastavahetusteemaliste lugude struktuuri, kasutades selleks William Labovi poolt välja pakutud tegelasekeskse narratiivi struktuuriskeemi ja toome esile uuritava žanri jaoks omased elemendid, motiivid ja süžeed.

Kokkuvõttes tuuakse välja töö tulemused ja selle materjali edasise uurimise võimalikud perspektiivid.

Lihlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina _____

(autori nimi)

(isikukood: _____)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihlitsentsi) enda loodud teose

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on _____,

(juhendaja nimi)

1.1. reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;

1.2. üldsusele kättesaadavaks tegemiseks ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.

2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, _____ (kuupäev)

(allkiri)

LISA ...

Lõputöö autori kinnitus

Olen magistr töö kirjutanud iseseisvalt. Kõigile töös kasutatud teiste autorite töödele, põhimõtteliste seisukohtadele ning muudest allikaist pärinevatele andmetele on viidatud.

Autor: Anna Pečerska

(allkiri)

.....